This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Максъ Нордау.

РѢЧИ и СТАТЬИ.

122

Екатеринославъ.
Типо-литографія Л. И. Сатановскаго.
1898.

AJM3743

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 17 октября 1898 года.

О СОВРЕМЕННОМЪ ПОЛОЖЕНІИ ЕВРЕЕВЪ *).

Спеціальные докладчики представятъ вамъ болѣе обстоятельно положеніе нашихъ братьевъ въ различныхъ странахъ. Нѣкоторые изъ ихъ докладовъ находились у меня подъ руками, другихъ не было. Но все таки я составилъ себѣ нѣкоторое понятіе и о тѣхъ странахъ, о которыхъ сотрудники мои ничего не могли мнѣ сообщить, отчасти по собственнымъ воззрѣніямъ, отчасти по другимъ источникамъ, и мнѣ кажется, я могу безъ вторичной оцѣнки фактовъ приступить къ обрисовкѣ картины всеобщаго положенія евреевъ въ исходѣ 19 столѣтія.

Картина эта почти во всѣхъ своихъ деталяхъ однообразна. Повсюду, гдѣ евреи въ болѣе или менѣе значительныхъ массахъ водворяются среди другихъ народовъ, во всей силѣ господствуютъ специфическія еврейскія бѣдствія,—не тѣ обычныя страданія, составляющія, вѣроятно, неизбѣжный удѣлъ человѣческаго рода, а другія, исключительныя страданія, преслѣдующія евреевъ не какъ людей, а только какъ евреевъ, и отъ которыхъ они могли бы легко избавиться, если бы небыли евреями.

Страданія эти носятъ двоякій характеръ: матеріальный и нравственный. Въ западной Европѣ евреи находятся въ сравнительно лучшихъ условіяхъ, но и тамъ въ послѣднее время замѣчается стремленіе ограничить ихъ въ правѣ и ставить имъ всевозможныя преграды.

О Румыніи съ ея $^1/_4$ милліоннымъ еврейскимъ населеніемъ мы знаемъ, что наши братья и тамъ совершенно безправны. Имъ позволено проживать только въ городахъ; на каждомъ шагу грозитъ имъ произволъ высшихъ и низшихъ властей, а нерѣдко и кровавая расправа и насиліе со стороны грубой черни. Экономическое положеніе ихъ самое ужасное: нашъ

*) Рѣчь, произнесенная на первомъ конгрессѣ сіонистовъ въ Базелѣ.

румынскій докладчикъ насчитываетъ болѣе половины всѣхъ румынскихъ евреевъ, лишенныхъ всякихъ средствъ къ существованію.

Ужасно положеніе галиційскихъ евреевъ, о которомъ сообщаетъ намъ докладъ доктора Зальца. Изъ 772.000 тамошнихъ евреевъ, 70%—буквально нищіе по профессіи, питающіеся милостыней, въ большинствѣ случаевъ очень скудно имъ подаваемою. Объ остальныхъ подробностяхъ доклада я теперь не упомяну, чтобы не заставить васъ дважды испытать чувство ужаса, которое, несомнѣнно, вызоветъ въ васъ этотъ докладъ.

Весьма характерно для условій западной Австріи съ ея 400.000 еврейскимъ населеніемъ указаніе доктора Минца, что въ Вѣнѣ изъ 25.000 еврейскихъ семействъ, 15.000, вслѣдствіе крайней бѣдности, совершенно исключены изъ числа платящихъ налогъ на содержаніе культа, а изъ остальныхъ 10.000, 90% обложены минимальнымъ налогомъ. Однако и изъ послѣдней категоріи $^3/_4$ оказываются неисправными плательщиками. Австрійское законодательство не признаетъ различія между евреями и христіанами, какъ въ Россіи и Румыніи, но законъ въ большинствѣ случаевъ остается мертвой буквой, и обычай снова воздвигаетъ преграды тамъ, гдѣ онѣ давно уже уничтожены закономъ. Общественное презрѣніе затрудняетъ еврею добываніе насущнаго пропитанія и въ ближайшемъ будущемъ сдѣлаетъ его совершенно невозможнымъ.

Изъ Болгаріи раздаются тѣ же жалобы: съ одной стороны лицемѣрный законъ, признающій свободу вѣроисповѣданій, съ другой—власти, нарушающія этотъ законъ, глубокая ненависть къ еврею во всѣхъ слояхъ общества и нужда, безпросвѣтная нужда, безъ надежды на лучшее будущее при все увеличивающейся численности евреевъ.....

Въ Венгріи евреи не жалуются. Они пользуются всѣми правами, и въ общемъ ихъ экономическій бытъ улучшается. Разумѣется, это счастливое положеніе еще недостаточно продолжительно, чтобъ дать возможность большинству евреевъ выбиться изъ глубокой нищеты, и въ общемъ, они не достигли *еще и первыхъ ступеней* благополучія. Что же касается знато-

ковъ тамошнихъ общественныхъ условій, то многіе изъ нихъ увѣряютъ, что и тамъ ненависть къ евреямъ коварно притаилась подъ покровомъ терпимости для того, чтобы при первомъ же удобномъ случаѣ разразиться надъ ними истребительнымъ пламенемъ.

Я обойду молчаніемъ 150.000 Мароккскихъ евреевъ, а также евреевъ Персіи, число которыхъ мнѣ въ точности неизвѣстно. Эти несчастные переносятъ гнетъ безропотно, съ тупою покорностью, возбуждая наше вниманіе лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда разнузданная чернь врывается въ ихъ гетто и безпрепятственно предается грабежу, насилію и убійствамъ.

Приведенныя мною страны опредѣляютъ судьбу болѣе 7 милліоновъ еврейской массы. Всѣ онѣ, исключая Венгріи, всевозможными оффиціальными и неоффиціальными ограниченіями ставятъ евреевъ въ положеніе пролетаріевъ и профессіональныхъ нищихъ и въ то же время парализуютъ въ нихъ надежду путемъ отдѣльныхъ или общихъ усилій когда-либо подняться надъ уровнемъ своего непригляднаго экономическаго положенія.

Нѣкоторые, такъ называемые „практическіе“ люди, противники „безплодныхъ“ мечтаній, задающіеся болѣе близкими, осуществимыми задачами, придерживаются того взгляда, что съ уничтоженіемъ ограничительныхъ мѣръ, прекратится и бѣдственное положеніе евреевъ въ восточной Европѣ. Примѣръ Галиціи представляетъ намъ точную оцѣнку такого взгляда. И не одна Галиція. Цѣлебныя свойства законодательной эмансипаціи уже испытаны во всѣхъ высоко-культурныхъ государствахъ. Посмотримъ, чему научилъ насъ опытъ. Западно-европейскій еврей полноправный гражданинъ. Ему предоставлена полная свобода передвиженія и развитія наравнѣ съ его христіанскими соотечественниками. Экономическія послѣдствія такой свободы несомнѣнно были самыя отрадныя. Отличительныя качества евреевъ: трудолюбіе, настойчивость, здравый смыслъ и бережливость содѣйствовали быстрому уменьшенію еврейскаго пролетаріата, который въ нѣкоторыхъ странахъ исчезъ бы совершенно, если бы его не заполняли все новые и новые кадры пролетаріата съ востока. Эмансипированные евреи запада

относительно быстро достигли значительнаго благосостоянія. Во всякомъ случаѣ, борьба за существованіе не принимала у нихъ такихъ ужасающихъ формъ, какъ въ Румыніи и Галиціи. Однако и среди нихъ все сильнѣе и сильнѣе даетъ себя чувствовать гнетъ нравственный. Еврей Запада сытъ; но не единымъ хлѣбомъ живъ человѣкъ... Народная ненависть, пожалуй, не грозитъ уже его личной неприкосновенности, но не однѣ тѣлесныя раны заставляютъ насъ ежиться отъ нестерпимой боли... Западный еврей понялъ эмансипацію, какъ дѣйствительное освобожденіе и поспѣшилъ сдѣлать изъ нея конечный выводъ. Но народы даютъ ему чувствовать, что логика его была наивна. Законъ великодушно провозглашаетъ теорію равноправія, а правительство и общество на дѣлѣ превращаютъ ее въ насмѣшку, въ родѣ пожалованія Санхо-Пансо блестящаго поста вице-короля острова Баратаріи.

Еврей въ наивности своей говоритъ: „я человѣкъ, и ничто человѣческое мнѣ не чуждо". А ему говорятъ: „Постой, не обольщайся плодами своего воображенія, тебѣ незнакомы истинныя понятія о чести, о долгѣ, о нравственности, ты чуждъ идеализма, любви къ отечеству,—и мы по необходимости отстраняемъ тебя отъ всякой дѣятельности, заранѣе предполагающей существованіе этихъ качествъ".

На сколько справедливы эти доводы на дѣлѣ, еще не удалось доказать. Въ большинствѣ случаевъ они основаны на какомъ нибудь единичномъ примѣрѣ негодяя-еврея, вопреки здравому смыслу торжественно выставляемаго на показъ, какъ воплощеніе нравственнаго облика всего еврейства. Но такое явленіе имѣетъ глубокое психологическое основаніе. Въ глубинѣ человѣческой души свили себѣ гнѣздо разнообразные предразсудки, для оправданія которыхъ нашъ разумъ пріискиваетъ болѣе или менѣе цѣлесообразныя основанія.

Народная мудрость давно уже оцѣнила этотъ психологическій законъ и въ своей неизмѣнной любви къ ясности и наглядности нашла для него самое мѣткое и образное выраженіе: „когда хотятъ утопить собаку,—гласитъ поговорка,—то *стараются* увѣрить всѣхъ, что она бѣшеная". Еврею приписываютъ *всевозможные* пороки, потому что хочется во что

бы то ни стало доказать себѣ самому, что имѣешь право его ненавидѣть. Но главная суть въ томъ, что его ненавидятъ.

Я вынужденъ сдѣлать грустное замѣчаніе, что народы, эмансипировавшіе евреевъ, ошиблись на счетъ руководившихъ ими чувствъ. Для того, чтобъ оказаться дѣйствительно благотворной, эта эмансипація должна была войти въ плоть и кровь прежде, чѣмъ нашла себѣ выраженіе въ законѣ. Но случилось какъ разъ наоборотъ. Исторія еврейской эмансипаціи—одна изъ достопримѣчательнѣйшихъ главъ въ исторіи европейской мысли. Еврейская эмансипація не была слѣдствіемъ раскаянія или порывомъ горячаго сердца искупить свои грѣхи за причиненныя евреямъ тысячелѣтнія муки,—нѣтъ, она неизбѣжный выводъ прямолинейнаго и сухого французскаго раціонализма 18-го столѣтія. Руководствуясь чистой логикой, безъ всякаго отношенія къ живому чувству, этотъ раціонализмъ выводилъ свои основныя положенія изъ математическихъ аксіомъ, и созданія чистаго разума стремился воплотить въ міръ дѣйствительныхъ фактовъ. „Пускай лучше погибнутъ колоніи, чѣмъ будетъ нарушено хоть одно положеніе!“ гласитъ извѣстное восклицаніе, характеризующее отношеніе раціоналистическаго метода къ политикѣ. Эмансипація евреевъ представляетъ другое, такъ сказать, автоматическое примѣненіе раціоналистическаго метода. Философія Руссо и энциклопедистовъ привела къ провозглашенію человѣческихъ правъ, а отсюда безпощадная логика носителей великой революціи непосредственно вывела и еврейскую эмансипацію. Они построили совершенно правильный силлогизмъ: „человѣкъ надѣленъ отъ природы извѣстными правами; евреи—люди; слѣдовательно и евреямъ природа даровала человѣческія права“. Такимъ образомъ во Франціи провозглашена была эмансипація евреевъ не изъ братской любви къ нимъ, а единственно потому, что этого требовала логика. Мало того, народное чувство этимъ обстоятельствомъ глубоко возмущалось, но философія революціи повелѣвала ставить принципъ выше всякаго чувства, и принципъ восторжествовалъ. Не рискуя навлечь на себя упрекъ въ неблагодарности, я позволю себѣ выразиться, что люди великой революціи эмансипировали насъ изъ рабскаго преклоненія передъ принципомъ.

И въ свою очередь, другіе образованные народы послѣдовали примѣру французовъ опять таки не изъ братскаго чувства къ евреямъ, но изъ какой-то нравственной потребности усвоить себѣ все, что составляетъ достояніе французской революціи.

Подобно тому, какъ Франція временъ революціи дала міру метрическую систему мѣръ и вѣса, такимъ же образомъ создала она и родъ духовнаго мѣрила, которое прочія страны, то противодѣйствуя, то добровольно, принимали какъ нормальное мѣрило своего нравственнаго уровня. Страна, претендовавшая на извѣстную степень духовнаго развитія, должна была имѣть соотвѣтственныя учрежденія, такъ или иначе являвшіяся продуктомъ французской революціи, какъ напр.: народное представительство, свободу печати, судъ присяжныхъ и т. п. Эмансипація евреевъ была такимъ образомъ также однимъ изъ неотъемлемыхъ принадлежностей государственнаго быта, въ родѣ неизбѣжнаго піанино, украшающаго салоны даже въ томъ случаѣ, когда ни одинъ изъ членовъ семьи не умѣетъ играть. Такимъ образомъ были эмансипированы евреи въ западной Европѣ не изъ какихъ нибудь внутреннихъ побужденій, но въ подражаніе политической модѣ,—не потому, что народы рѣшили протянуть евреямъ братскую руку, а потому, что руководящіе умы признали извѣстный нравственный идеалъ, требовавшій, чтобы въ сводѣ законовъ красовалась статья и объ еврейской эмансипаціи. Только въ отношеніи Англіи эти соображенія не примѣнимы. Прогрессъ англійскаго народа не обусловливается давленіемъ извнѣ, а вытекаетъ изъ потребностей народнаго духа. Въ Англіи эмансипація не мертвая буква, а дѣйствительный фактъ: она проникла въ народное сознаніе гораздо раньше, чѣмъ сдѣлалась достояніемъ законодательства.

Только изъ уваженія къ традиціи въ Англіи еще не рѣшались формально отмѣнить законодательныя ограниченія нонконформистовъ, когда уже цѣлое поколѣніе англичанъ въ общественной жизни не дѣлало никакого различія между христіанами и евреями. Разумѣется, великій народъ съ интенсивной *духовной жизнью* не можетъ остаться въ сторонѣ отъ ка-

кого-либо духовнаго теченія, какъ положительнаго, такъ и отрицательнаго характера, и такимъ образомъ, мы и въ Англіи сталкиваемся съ единичными примѣрами антисемитизма. Но тамъ онъ только подражаніе континентальной модѣ, выставляемое на показъ простодушными глупцами, какъ послѣдняя заграничная новинка. Въ общемъ же вы найдете докладъ г. де-Гааза объ англійскихъ евреяхъ, столь богатый фактами и цифровыми данными, утѣшительнѣйшимъ изъ всѣхъ, которые будутъ вамъ прочтены.

Эмансипація кореннымъ образомъ измѣнила характеръ еврея, сдѣлавъ изъ него совершенно новое существо. Безправный еврей до эмансипаціи былъ чужой среди другихъ народовъ, но онъ и не думалъ возставать противъ такого положенія вещей. Онъ чувствовалъ себя членомъ исключительнаго племени, ничего общаго съ прочими туземцами неимѣющимъ. Онъ не любилъ предписанной закономъ желтой заплаты на своемъ плащѣ, такъ какъ она была для толпы какъ бы призывомъ къ насиліямъ, освященнымъ свыше; но предоставленный самому себѣ, онъ обнаруживалъ свою индивидуальность гораздо рѣзче, чѣмъ это могло сдѣлать желтое пятно. Повсюду, гдѣ власти не замыкали его въ гетто, тамъ онъ самъ для себя устраивалъ гетто: жить онъ желалъ только со своими, съ христіанами же онъ вступалъ только въ торговыя сношенія. Теперь „гетто“ стало синонимомъ всего постыднаго и унизительнаго. Однако историкъ и бытописатель должны признать, что каковы бы ни были дѣйствительныя намѣренія народовъ, гетто въ глазахъ евреевъ было не тюрьмою, а единственнымъ убѣжищемъ и пріютомъ. И вполнѣ справедливы тѣ, которые говорятъ, что только гетто дало евреямъ возможность устоять противъ ужасныхъ средневѣковыхъ гоненій. Въ стѣнахъ гетто еврей жилъ своимъ особымъ міромъ: оно было для него надежнымъ пристанищемъ,— чѣмъ-то въ родѣ духовнаго и нравственнаго отечества. Здѣсь были товарищи и общественное мнѣніе, признаніе и сочувствіе которыхъ пріятно щекотало самолюбіе, а неуваженіе служило заслуженнымъ наказаніемъ ничтожества. Здѣсь цѣнились по заслугамъ специфическія еврейскія качества, особеннымъ развитіемъ которыхъ

можно было вызвать всеобщее удивленіе,—это лучшее орудіе для поощренія и соревнованія. И что за дѣло, что внѣ гетто презиралось все то, что цѣнилось въ его стѣнахъ? Вѣдь мнѣніемъ внѣ гетто стоящихъ дорожили очень мало, такъ какъ это было мнѣніе невѣжественныхъ враговъ. Всѣ старались нравиться только своимъ, находя въ этомъ единственный смыслъ жизни. Такимъ образомъ въ нравственномъ отношеніи евреи гетто жили полною жизнью. Ихъ внѣшнее положеніе было непрочно, часто подвергалось большимъ опасностямъ, но зато въ своей внутренней жизни они достигли всесторонняго развитія своихъ духовныхъ особенностей, являя собою образецъ цѣльности и законченности, этихъ цѣнныхъ элементовъ нормальнаго общественнаго существованія.

Они инстинктивно понимали все значеніе гетто для своей внутренней жизни, и всѣ усилія ихъ были направлены къ тому, чтобы оградить себя отъ сосѣдей незримою стѣною обособленія, еще болѣе плотною и неприступною, чѣмъ тѣ каменныя стѣны, которыя отдѣляли ихъ отъ остального міра. И обычаи, и привычки евреевъ безсознательно стремились только къ одному, чтобы обособить ихъ отъ другихъ народовъ, создать прочную еврейскую общину и непрерывно внушать каждому еврею въ отдѣльности, что всякій разъ, когда онъ поступался своею индивидуальностью, онъ неизбѣжно погибалъ, растворяясь въ другихъ національностяхъ. Такое стремленіе къ обособленію было источникомъ для возникновенія многихъ обрядностей, въ понятіяхъ еврейской массы тѣсно связанныхъ съ религіей, и другихъ чисто внѣшнихъ, часто случайныхъ отличительныхъ признаковъ, какъ различіе въ одеждѣ,—признаковъ, получившихъ религіозную санкцію, дабы сдѣлать ихъ черезъ то болѣе прочными и неприкосновенными. Кафтанъ, пейсы, мѣховая шапка и еврейскій жаргонъ, очевидно, ничего общаго съ религіей не имѣютъ; а между тѣмъ восточные евреи готовы заподозрить въ вѣроотступничествѣ всякаго соплеменника, одѣвающагося по-европейски и правильно изъясняющагося на какомъ-нибудь европейскомъ языкѣ.

По ихъ мнѣнію, онъ порвалъ узы, связывавшія его съ *соплеменниками;* они же глубоко убѣждены, что только эти

внѣшнія узы связываютъ ихъ съ обществомъ и что безъ нихъ личность не въ состояніи сохраниться ни духовно, ни нравственно, ни даже физически.

Такова психологія еврея гетто. И вотъ является эмансипація. Законъ увѣряетъ евреевъ, что они полноправные граждане своей родины. Онъ производитъ впечатлѣніе и на тѣхъ, которые его провозгласили и въ медовыхъ мѣсяцахъ своего существованія служитъ поводомъ къ сердечнымъ увѣреніямъ со стороны христіанъ въ самомъ искреннемъ и горячемъ сочувствіи. Евреи въ камомъ-то опьяненіи спѣшатъ сжечь за собой корабли: имъ не зачѣмъ замыкаться въ свое гетто, привязываться къ старымъ товарищамъ; у нихъ новое отечество, новыя привязанности. Стремленіе къ самосохраненію смѣняется стремленіемъ приспособиться къ новымъ условіямъ существованія. Прежде это стремленіе было направлено къ суровому обособленію, теперь, наоборотъ, къ полному сближенію и ассимиляціи. На мѣсто спасительной замкнутости явилась полезная подражательность, и черезъ одно—два поколѣнія, смотря по странѣ, получились неслыханные по своей благотворности результаты. Еврей могъ быть увѣреннымъ, что онъ только нѣмецъ, французъ, итальянецъ, какъ всякій другой изъ его соотечественниковъ и въ этомъ сознаніи почерпалъ изъ общей сокровищницы народнаго духа чувства солидарности,— это главнѣйшее условіе для полнаго развитія личности. И вотъ около 20 лѣтъ тому назадъ, послѣ сладкаго сна, длившагося 30—60 лѣтъ, въ западной Европѣ изъ нѣдръ народнаго духа возникъ антисемитизмъ, открывшій ошеломленному еврею его дѣйствительное положеніе, на которое онъ дотолѣ закрывалъ глаза.

На выборахъ сословныхъ представителей онъ по прежнему подавалъ свой голосъ заодно съ другими, но подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ видѣлъ себя исключеннымъ изъ кружковъ и собраній своихъ христіанскихъ товарищей. Онъ по прежнему пользовался правомъ свободнаго передвиженія, но повсюду наталкивался на надпись, гласившую: „евреямъ входъ воспрещенъ“. Онъ по прежнему считался полноправнымъ гражданиномъ, но въ болѣе благородныхъ правахъ, выходящихъ изъ

предѣловъ общаго права голосованія и составляющихъ неотъемлемое преимущество людей болѣе одаренныхъ и способныхъ,— въ этихъ правахъ ему сурово отказано.

Таково современное положеніе эмансипированнаго еврея въ западной Европѣ. Своею еврейской индивидуальностью онъ поступился; народы даютъ ему понять, что *ихъ* особенности онъ не въ достаточной мѣрѣ еще усвоилъ. Прежнее гетто перестало быть для него отечествомъ; страна, въ которой онъ родился, также отказывается называть его своимъ сыномъ. Своихъ братьевъ онъ сторонится, потому что антисемитизмъ внушилъ ему самому отвращеніе къ нимъ. Христіанскіе соотечественники отталкиваютъ его всякій разъ, когда онъ обнаруживаетъ стремленіе сблизиться съ ними. Онъ потерялъ подъ ногами почву; не чувствуетъ связи съ какимъ-бы то ни было обществомъ, къ которому могъ бы себя причислить, какъ желанный и полноправный членъ. Ни поступки его, ни все его существованіе не могутъ разсчитывать даже на справедливость со стороны христіанъ, не говоря уже о благоволеніи. Съ еврействомъ онъ порвалъ всякую связь; весь міръ его ненавидитъ и нигдѣ не встрѣчаетъ онъ теплаго сочувствія, какъ бы его ни искалъ и ни жаждалъ.

Таковы нравственныя страданія евреевъ, болѣе ужасныя, чѣмъ физическія, такъ какъ они составляютъ удѣлъ высшихъ, болѣе развитыхъ и глубже чувствующихъ натуръ. Эмансипированный еврей неустойчивъ, нерѣшителенъ въ своихъ отношеніяхъ къ окружающимъ, робокъ съ незнакомыми и недовѣрчивъ къ затаеннымъ чувствамъ даже тѣхъ, кого считаетъ друзьями. Всѣ лучшія свои силы тратитъ онъ на приниженіе, подавленіе, или по меньшей мѣрѣ, на тщательное стремленіе скрыть свое своеобразнѣйшее существованіе. Онъ вѣчно находится на сторожѣ, какъ бы въ немъ не признали еврея, и онъ никогда не бываетъ самимъ собой ни въ мысляхъ, ни въ чувствахъ, даже въ интонаціи голоса, въ каждой манерѣ, каждомъ движеніи. Душевно онъ изуродованъ, наружно неискрененъ, что дѣлаетъ его смѣшнымъ и отталкивающимъ въ глазахъ людей искреннихъ, съ развитымъ эстетическимъ чу*вствомъ какъ все дѣланное* и неестественное.

Всѣ лучшіе евреи западной Европы изнываютъ подъ этимъ нравственнымъ гнетомъ и ищутъ спасенія или избавленія. У нихъ нѣтъ больше вѣры, исполняющей духъ нашъ терпѣніемъ и готовностью переносить каждое страданіе, какъ заслуженное возмездіе карающаго, но любящаго Бога. У нихъ нѣтъ больше надежды, что когда нибудь придетъ Мессія и въ день, исполненный чудесъ, возвеличитъ ихъ изъ ничтожества и праха. Нѣкоторые ищутъ спасенія въ измѣнѣ еврейству. Конечно, рассовый антисемитизмъ, отрицающій благотворное вліяніе на евреевъ крещенія, дѣлаетъ и этотъ путь къ спасенію малопривлекательнымъ. Къ тому же очень плохая рекомендація для ренегатовъ, въ большинствѣ случаевъ невѣрующихъ, тотъ фактъ, что они вступаютъ въ христіанскую общину, запятнавъ свою душу тяжкимъ грѣхомъ богохульства и лжи. Во всякомъ случаѣ, мы сталкиваемся такимъ образомъ съ новой формой марранства, конечно, менѣе привлекательной, чѣмъ старое. Старое марранство, по крайней мѣрѣ, втайнѣ лелѣяло идеалистическія стремленія, вытекавшія изъ искреннѣйшихъ душевныхъ побужденій, изъ терзавшихъ сердце угрызеній совѣсти и раскаянія и нерѣдко въ достаточной мѣрѣ искупало свои грѣхи добровольнымъ мученичествомъ.

Новые марраны покидаютъ еврейство съ ожесточеніемъ и злобой, но въ глубинѣ души, быть можетъ, безсознательно, переносятъ на христіанъ, это чувство озлобленія за свой позоръ, за свои униженія, за все то, что вынудило ихъ къ лицемѣрію и лжи. Мнѣ дѣлается страшно за будущее развитіе этой новой породы марранов. которой чужды всякія нравственныя традиціи и самоуваженіе которой отравлено ненавистью къ своему и чужому и вѣчно бодрствующимъ сознаніемъ неизгладимой лжи. Другіе ждутъ спасенія отъ сіонизма, который они понимаютъ не какъ осуществленіе какихъ-то завѣтовъ библіи, а какъ единственный путь къ обрѣтенію самыхъ основныхъ условій жизненнаго существованія,—я разумѣю прочный общественный строй, солидарную среду, почву для разумнаго примѣненія органическихъ силъ, все то, что для всякаго не еврея обоихъ полушарій составляетъ элементарнѣйшее условіе человѣческаго существованія. Есть, наконецъ, и такіе,

которые возстаютъ противъ лжи марранства, которые слишкомъ срослись и сжились съ интересами своего отечества, чтобы съ легкимъ сердцемъ примириться съ разрывомъ, составляющимъ конечный результатъ сіонизма, и бросаются въ омутъ самыхъ крайнихъ политическихъ утопій, въ смутной надеждѣ, что по ниспроверженіи существующаго порядка и созданіи новаго строя, ненависть къ евреямъ будетъ погребена подъ обломками стараго міра.

Таковъ духовный обликъ израиля въ исходѣ 19-го столѣтія. Короче говоря, евреи въ огромномъ большинствѣ представляютъ племя опальныхъ нищихъ.

Превосходя средняго европейца и прилежаніемъ, и настойчивостью—не говоря уже о лѣнивыхъ азіатахъ и африканцахъ—еврей тѣмъ не менѣе влачитъ жалкое существованіе пролетарія, такъ какъ ему не даютъ свободно развивать свои силы. Бѣдность дѣйствуетъ разлагающимъ образомъ на его духовныя и физическія силы. Одержимый лихорадочной жаждой образованія, онъ, какъ истый Танталъ нашего немиѳическаго времени, видитъ предъ собою всѣ источники знанія закрытыми. Одаренный непостижимой способностью подыматься изъ какой угодно бездны отчаянія, куда бы его ни толкнула жестокая судьба, онъ повсюду наталкивается на непроницаемую броню ненависти и презрѣнія. Членъ такого общества, которому даже религія вмѣняетъ въ заслугу, какъ угодное Богу дѣяніе, совершать трапезу въ сообществѣ трехъ, а молитву въ сообществѣ десяти человѣкъ,—изъятъ изъ общества христіанскихъ соотечественниковъ и трагическимъ образомъ осужденъ на одиночество. Его обвиняютъ въ какихъ-то поступательныхъ замыслахъ, между тѣмъ, какъ онъ за лишеніемъ равенства, стремится только къ духовному превосходству Ему ставятъ въ упрекъ его солидарность съ соплеменниками, между тѣмъ, какъ все его несчастіе въ томъ, что, при первомъ же призывѣ эмансипаціи, онъ съ корнемъ вырываетъ изъ сердца всякое чувство солидарности, чтобъ дать больше простора чувству любви къ христіанскимъ соотечественникамъ. Ошеломленный градомъ антисемитскихъ нападокъ, онъ начинаетъ *сомнѣваться въ* самомъ себѣ и въ порывѣ самоуничиженія го-

товъ признать въ себѣ того нравственнаго урода, какимъ его выставляютъ его смертельные враги. Нерѣдко услышите его ворчливое недовольство собою и искренно высказываемое убѣжденіе, что ему слѣдуетъ учиться у врага. Онъ забываетъ, что антисемитскія обвиненія для него ровно никакого значенія имѣть не могутъ, что они не представляютъ собою критику дѣйствительно существующихъ недостатковъ, а слѣдствіе извѣстнаго психологическаго закона, по которому дѣти, дикари и глупцы дѣлаютъ отвѣтственными за свои страданія всякое существо, или явленіе, почему-либо внушившее имъ отвращеніе.

Какъ нѣкогда въ эпидемію черной смерти евреевъ винили въ отравленіи колодцевъ, такъ въ наше время аграріи обвиняютъ ихъ въ пониженіи цѣнъ на хлѣбъ, ремесленники въ уничтоженіи мелкаго производства, и, наконецъ, консерваторы считаютъ ихъ принципіальными врагами всякаго правительства.

Гдѣ нѣтъ евреевъ, тамъ причиной тѣхъ же золъ выставляютъ другія народныя группы, въ большинствѣ случаевъ, чужеземные элементы, а часто и туземное меньшинство, преимущественно сектантовъ, раскольниковъ. Этотъ антропоморфизмъ недоброжелательства ничего не говоритъ противъ обвиняемыхъ, напротивъ, онъ только доказываетъ, что обвинители уже ненавидѣли ихъ, когда увидѣли въ нихъ козла отпущенія всѣхъ своихъ бѣдствій.

Для полноты картины я долженъ прибавить еще одну черту. Я говорю о молвѣ, распространенной среди самыхъ образованныхъ и серьезныхъ людей, даже не антисемитовъ, будто евреи захватили въ свои руки и власть, и богатства всего земного шара. Евреи въ авторитетной роли вершителей человѣческихъ судебъ! Евреи, которые не въ силахъ помочь своимъ братьямъ противъ кровожадныхъ насилій арабской, марокканской и персидской сволочи! Евреи—воплощеніе мамона! Евреи, у доброй половины которыхъ нѣтъ ни крова, ни пристанища, ни даже рубища, чтобъ прикрыть свою наготу! Это злая насмѣшка, прибавляющая яду и въ безъ того переполненную чашу народной скорби!

Безспорно найдется нѣсколько сотенъ весьма богатыхъ евреевъ, чьи шумные милліоны мозолятъ всѣмъ глаза. Но что

общаго у евреевъ съ этими господами? Большинство изъ нихъ—я охотно выдѣляю незначительное меньшинство—принадлежитъ къ самымъ низкопробнымъ натурамъ изъ евреевъ, волею судебъ попавшимъ на широкое поприще дѣятельности, гдѣ милліоны сами въ руки даются, а частенько перепадаютъ и милліарды, разумѣется, неисповѣдимыми путями, о которыхъ исторія краснорѣчиво умалчиваетъ.

Еврейство пророковъ и танаитовъ, Гиллеля, Филона, Ибн-Габироля, Іегуды-Галеви, бенъ-Маймона, Спинозы и Гейне ничего общаго не имѣетъ съ этими денежными тузами, презирающими все то. что для насъ дорого и дорожащими тѣмъ, что мы презираемъ. А они то и подаютъ главный поводъ къ ненависти евреевъ, основанной болѣе на экономическихъ соображеніяхъ, чѣмъ на религіозныхъ. Для еврейства, которое расплачивается за ихъ грѣхи, они никогда ничего не дѣлали, если не считать жалкихъ подачекъ, поддерживающихъ специфическую еврейскую язву—блюдолизничество. Для идеальныхъ цѣлей ихъ кошелекъ всегда оставался закрытымъ. Къ тому же многіе изъ нихъ бросаютъ еврейство, и намъ остается, только пожелать имъ счастливаго пути и пожалѣть, что они все таки еврейской крови, хотя и низшаго достоинства.

Никто не въ правѣ оставаться равнодушнымъ къ участи евреевъ—христіанскіе народы не менѣе, чѣмъ евреи. Допустить, чтобы народъ изнывалъ подъ тяжкимъ нравственнымъ и физическимъ гнетомъ,—народъ, которому даже враги его не отказываютъ въ даровитости—величайшій грѣхъ! Грѣхъ по отношенію къ нему и къ тому нравственному долгу, въ исполненіи котораго еврейское племя должно бы видѣть свое истинное призваніе.

Микробіологія учитъ насъ, что микроорганизмы, безвредные, пока живутъ на свободѣ, порождаютъ ужаснѣйшія болѣзни, когда ихъ лишаютъ кислорода, или, какъ спеціально выражаются, когда ихъ превращаютъ въ анэробическія существа.

Правительствамъ и народамъ слѣдовало бы серьезно задуматься, прежде, чѣмъ сдѣлать изъ еврея анэробическое существо.

СІОНИЗМЪ И ЕГО ПРОТИВНИКИ *).

Люди, имя которыхъ тѣсно связано съ новымъ видомъ сіонистскаго движенія, сдѣлались сіонистами вслѣдствіе страданій своего народа. Лично на себѣ имъ не пришлось испытать этихъ страданій. Своими сочиненіями они создали себѣ европейскую, отчасти даже міровую славу, которая вполнѣ можетъ удовлетворить ихъ честолюбіе. Отъ заступничества за своихъ гонимыхъ соплеменниковъ они лично много теряютъ и ничего не выигрываютъ.

Хотя они рѣшили работать на пользу еврейства, никому не вредя этимъ, тѣмъ не менѣе они были готовы къ борьбѣ. Но они предполагали, что имъ придется бороться съ тѣми препятствіями, которыя встрѣчаетъ всякая мысль, воплощаясь въ реальную дѣйствительность, что имъ придется бороться противъ ложныхъ сужденій людей недостаточно подготовленныхъ, которыхъ все таки можно убѣдить и противъ злости слѣпыхъ ненавистниковъ еврейства. Поэтому они были весьма удивлены и огорчены тѣмъ, что враговъ они встрѣчали только среди евреевъ, и нападки имъ пришлось вынести также только со стороны евреевъ, нападки до того постыдныя, позорныя, съ такими чисто разбойничьими пріемами ругани, клеветы и предательства, что буквально терялась всякая рѣшимость и приходилось самому себѣ напоминать многочисленные примѣры самоотверженнаго воодушевленія и благороднаго идеализма въ рядахъ своихъ единомышленниковъ, чтобы не сдѣлаться сторонникомъ антисемитскаго ученія о низости и ничтожествѣ еврейской расы.

Мы знаемъ уже теперь тѣ скрытые мотивы, вслѣдствіе которыхъ происходятъ эти нападки. Мы теперь уже знаемъ, кто наши единственные враги, гдѣ они скрываются и чего мы должны отъ нихъ ожидать. Знать, гдѣ опасность, значитъ на половину ослабить ее. Мы въ свое время расквитаемся съ тѣми ничтож-

*) Рѣчь эта произнесена въ Берлинѣ докторомъ М. Нордау въ присутствіи 2000 чел., цвѣта берлинской интеллигенціи, 15/27 апрѣля 1898 г.

ными людьми, которые напали на насъ съ тылу и предполагаютъ еще наносить намъ удары изъ-за угла, сегодня здѣсь я намѣренъ объясниться только съ тѣми противниками сіонистскаго движенія, которые не клевещутъ и не инсинуируютъ, но приводятъ свои доводы; съ ними приличный и серьезный человѣкъ можетъ вступить въ споръ, не роняя своего достоинства.

Я сдѣлаю одно предварительное замѣчаніе. Среди христіанъ сіонизмъ до сихъ поръ не нашелъ враговъ. Есть много христіанъ, которые считаютъ трудно осуществимою идею объединенія не имѣющихъ родины евреевъ на землѣ ихъ предковъ; нѣкоторые христіане считаютъ эту идею вовсе неосуществимою; но нѣтъ такихъ, которые считали бы ее ложною въ основѣ. Если-бъ кто-нибудь былъ такъ недальновиденъ и сказалъ бы мнѣ: „что удивительнаго, христіане охотно избавились бы отъ насъ!“, то я на это отвѣтилъ бы: „если, дѣйствительно, весь христіанскій міръ проникнутъ однимъ желаніемъ, чтобъ мы ушли отъ него и сомнѣвается единственно только въ осуществимости этого своего желанія, то это есть самый вѣскій доводъ въ пользу правоты и необходимости сіонизма. Я повторяю: принципіальныхъ противниковъ сіонистская идея встрѣчала только среди евреевъ, и намъ приходится защищать ее только противъ еврейскихъ нападокъ.

Евреи нынѣ раздѣляются на два лагеря: одни хотятъ оставаться евреями, другіе не хотятъ этого. О тѣхъ евреяхъ, которые досадуютъ на свое еврейское происхожденіе и проникнуты однимъ только страстнымъ желаніемъ безслѣдно, незамѣтно исчезнуть въ массѣ своихъ христіанскихъ сосѣдей, о тѣхъ евреяхъ намъ не придется долго говорить.

Мы безъ дальнѣйшихъ разсужденій подтверждаемъ, что съ ихъ точки зрѣнія они вполнѣ правы, отвергая сіонизмъ. Они послѣдовательны. Они желаютъ смерти еврейства и естественно видятъ своего врага въ сіонизмѣ, который предвѣщаетъ еврейству новую жизнь. Но послѣ того, какъ мы такимъ образомъ признали ихъ точку зрѣнія, мы говоримъ имъ: „вы не имѣете никакого права толковать о сіонистскихъ *вопросахъ. Сіонизмъ* не обращается къ вамъ, такъ какъ вы

не хотите оставаться евреями, а къ тѣмъ, которые желаютъ остаться таковыми. Это наше внутреннее, домашнее дѣло, которое васъ не касается.

Руководясь афоризмомъ „homo sum, humani nihil a me alienum puto", вы можете интересоваться нашимъ движеніемъ, какъ и всякимъ другимъ общественнымъ вопросомъ, какъ, напримѣръ, споромъ о норвежско-шведской конституціи или какъ ирландскимъ home rule'мъ; вы можете наблюдать это движеніе, стараться понять его, вы можете изучать и критиковать его, но какъ люди посторонніе,—вмѣшиваться же въ наше движеніе вамъ не подобаетъ. Бороться противъ насъ вы не имѣете нравственнаго права, такъ же, какъ и выступать враждебно противъ home rule'я; давать намъ совѣты вы такъ же, мало призваны, какъ и навязывать свои совѣты партіямъ Стортинга въ Христіаніи.

Это мы возражаемъ тѣмъ евреямъ, программа которыхъ коротко гласитъ „исчезнуть". Мы сами подадимъ имъ примѣръ и попросимъ ихъ подражать намъ. Мы не боремся противъ нихъ, пока они насъ оставляютъ въ покоѣ. Мы не пытаемся убѣдить ихъ въ ложности и ошибочности ихъ направленія. Мы не ставимъ имъ никакихъ препятствій къ отпаденію отъ еврейства. И однако мы имѣемъ большее право заниматься ими, чѣмъ они нами. Мы чувствуемъ себя евреями, чего они не чувствуетъ, и ничто еврейское намъ не чуждо, чего они о себѣ не могутъ сказать. Нельзя сказать, чтобъ у насъ не было своего мнѣнія объ ихъ программѣ. О да, мы имѣемъ свое мнѣніе о ней. Мы убѣждены, что ихъ методъ не разрѣшаетъ еврейскаго вопроса. Отдѣльная личность, которая путемъ крещенія или какимъ-либо инымъ образомъ сбрасываетъ съ себя еврейство, быть можетъ, достигаетъ цѣли исчезнуть безслѣдно въ массѣ своихъ христіанскихъ сосѣдей. Я говорю: быть можетъ; ибо для того, чтобъ это случилось, нужна наличность многихъ условій, которыя рѣдко встрѣчаются въ дѣйствительности. Бѣглецъ изъ лагеря еврейства не долженъ оставаться въ маленькомъ городѣ, гдѣ сосѣди знаютъ его самого и нѣсколько ближайшихъ его предковъ; въ этой обстановкѣ онъ и его потомство, по крайней мѣрѣ

въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, будутъ все считаться крещеными евреями, и ихъ будутъ отличать отъ коренныхъ, настоящихъ арійцевъ. Такимъ образомъ, его родители или прародители должны были сдѣлаться какъ-бы прилетными птицами, или же онъ самъ долженъ сдѣлаться перелетной птицей; онъ долженъ сдѣлаться бѣглецомъ не только отъ своего племени, но также и отъ окружающей среды; въ противномъ случаѣ, его даже и въ новомъ положеніи будетъ преслѣдовать какъ бы приказъ о поимкѣ дезертира. Далѣе, онъ долженъ отречься отъ всякаго личнаго честолюбія; онъ долженъ отказать себѣ въ стремленіи искать успѣха и славы, проявляя свои способности на поприщѣ человѣческой, гражданской дѣятельности. Ибо стоитъ только ему немного отличиться, и онъ пробуждаетъ неизбѣжную зависть обойденныхъ соперниковъ; тогда онъ можетъ съ полной увѣренностью разсчитывать на то, что ему бросятъ въ лицо упрекъ въ его жидовскомъ происхожденіи, и это заставитъ его также содрогаться, какъ еслибъ онъ гордо и открыто исповѣдывалъ юдаизмъ. Итакъ, каждый отдѣльный семитъ, стыдящійся своего еврейскаго происхожденія, чтобъ вполнѣ быть усыновленнымъ въ христіанскомъ мірѣ, долженъ въ продолженіе всей своей жизни съ желѣзнымъ упорствомъ заботиться о томъ, чтобъ оставаться въ тѣни и неизвѣстности. Онъ самъ въ продолженіе своей жизни не долженъ надѣяться на то, чтобъ пользоваться тѣми выгодами, на которыя онъ разсчитывалъ, отрекаясь отъ себя самого и отъ своего народа. Эти выгоды, въ крайнемъ случаѣ, выпадутъ на долю его дѣтей или даже внуковъ. Итакъ, поступающіе такимъ образомъ возлагаютъ много надеждъ только на будущее; надеждъ на будущее ими возлагается не меньше, пожалуй, чѣмъ проповѣдующими сіонизмъ, даже, быть можетъ, больше.

И замѣтьте, многоуважаемые слушатели. все то, что я до сихъ поръ говорилъ, я говорилъ только о единичныхъ личностяхъ. Какъ только вы попробуете примѣнить въ широкихъ размѣрахъ методъ исчезновенія и уничтоженія, то вы увидите, что это рѣшительно невозможно, и объ этомъ говорить *даже не стоитъ*. Прежде всего масса еврейская вовсе не

желаетъ оставить еврейство и даже въ наше время религіознаго индифферентизма скорѣе согласится перенести всякія гоненія и даже смерть, чѣмъ отказаться отъ своей вѣры, отъ своихъ традицій, отъ своей національности. Но предположимъ самое невѣроятное: евреи твердо рѣшились на національное самоубійство, но и этотъ актъ отчаянія не принесетъ никакой пользы. Тогда выяснится, что они не могутъ слиться съ арійцами. Они больше не будутъ евреями, но они будутъ евреями-христіанами, и антисемитизмъ ополчится противъ замаскированныхъ евреевъ, какъ онъ теперь ополчается противъ настоящихъ евреевъ.

Мы высказываемъ не догадки и не предположенія. Мы можемъ сослаться на достовѣрные историческіе факты. Потомки послѣдователей Саббатая-Цеви, которые 230 лѣтъ тому назадъ перешли въ исламъ, образуютъ въ Салоникахъ собственную общину и рѣзко отличаются отъ турокъ. Польскіе франкисты, будучи католиками уже въ продолженіе четырехъ поколѣній, сохранили своеобразныя семитскія особенности, и никакой полякъ не приметъ ихъ за сарматовъ. Гдѣ евреи въ большомъ количествѣ одновременно переходятъ въ другую вѣру, тамъ они образуютъ особенную группу, которая можетъ быть такъ же легко и вѣрно узнана среди новыхъ ихъ единовѣрцевъ, какъ легко различить воды большого южно-океанскаго теченія среди водъ атлантическаго океана. У краевъ постепенно происходятъ незначительныя смѣшенія, которыя ведутъ къ медленному сглаживанію пограничной линіи. Средина-же остается не сглаженной на безконечно-долгое время. Опыты подобнаго рода подтверждаютъ мнѣніе, что программа исчезновенія и самоуничтоженія болѣе сказочна, чѣмъ сіонизмъ. Возродить еврейскій народъ къ самостоятельной государственной жизни на собственной землѣ, подъ протекторатомъ великихъ державъ, это трудно, очень трудно, но сліяніе евреевъ съ европейскими народами до полнѣйшей неузнаваемости это прямо невозможно.

Таковъ нашъ отвѣтъ тѣмъ критикамъ и противникамъ сіонизма, которые желаютъ исчезновенія еврейскаго народа. Мы говоримъ имъ: „во первыхъ ваше рѣшеніе вопроса гораздо

несбыточнѣе, чѣмъ сіонистское рѣшеніе, такъ какъ девять десятыхъ евреевъ хотятъ оставаться евреями, и если-бы даже они и пожелали перестать быть таковыми, антисемитизмъ всегда узнаетъ ихъ, какъ-бы они ни замаскировались, и будетъ ихъ продолжать преслѣдовать. Во-вторыхъ слишкомъ благосклонно съ нашей стороны, что мы пускаемся съ вами въ разсужденія и споримъ противъ вашихъ удивительныхъ воззрѣній. Ваша программа исключаетъ васъ изъ среды еврейства. Сіонизмъ же есть внутренній, домашній вопросъ еврейства.

Мы просимъ васъ—не печальтесь о нашихъ дѣлахъ, позаботьтесь лучше о своихъ собственныхъ.

Теперь перейдемъ къ тѣмъ противникамъ сіонизма, которые искренно, а, можетъ быть, и притворно выражаютъ желаніе сохранить еврейство. Ихъ доводы можно резюмировать въ слѣдующихъ трехъ положеніяхъ: сіонизмъ это несбыточное безразсудство; сіонизмъ представляетъ опасность для еврейства; сіонизмъ не нуженъ, и еврейство можетъ продолжать существовать безъ него, ибо оно существовало и до него въ продолженіе восемнадцати столѣтій. Приходится слышать еще два другихъ довода, которые я назову мистическими. Если евреи, вмѣсто того, чтобъ ожидать появленія обѣщаннаго Мессіи, стремятся сами себя освободить, то говорятъ, что они вмѣшиваются въ планы Провидѣнія. На эту критику я не могу отвѣчать, такъ какъ она говоритъ такимъ языкомъ, котораго я не понимаю и на которомъ не говорю. Быть можетъ, найдутся знатоки Писанія, которые докажутъ умиленнымъ благочестивцамъ различными главами и стихами, что они ложно понимаютъ предсказанія пророковъ. И если даже ихъ и не удастся убѣдить, то это для насъ совершенно безразлично. Откровенно говоря, эти покорно терпящіе люди, опускающіе безпомощно руки и надѣющіеся, что съ небесъ опустится рука, схватитъ ихъ за поясъ и помчитъ чрезъ воздушное пространство въ обѣтованную землю—эти люди представляютъ нежелательный элементъ въ народѣ, который долженъ быть сильнымъ, который твердо рѣшился путемъ самопомощи создать *прочное самостоятельное* государство.

Второй мистическій доводъ это то, что евреи будто-бы имѣютъ миссію служить образцами и учителями для другихъ народовъ, а сіонизмъ мѣшаетъ имъ въ выполненіи этой миссіи, отвлекая ихъ отъ учительскаго поста и мѣшая имъ быть образцами для другихъ. На этотъ доводъ я совершенно отказываюсь возражать. Я не могъ бы сдѣлать этого въ парламентарныхъ выраженіяхъ. Я предоставляю антисемитамъ высмѣять этихъ жалкихъ гордецовъ, одержимыхъ маніей величія, которые среди насмѣшекъ и пинковъ всѣхъ народовъ, увѣшиваютъ себя бутафорскими орденами и шутовскими бумажными колпаками и взываютъ къ неистовствующей толпѣ: „Мы учителя ваши и примѣръ для васъ!“ Мы не страдаемъ подобнаго рода безуміемъ. Мы хотимъ еще только воспитать изъ себя самихъ образцовый народъ. Если впослѣдствіи другіе народы примутъ за образецъ возрожденный еврейскій народъ, то мы это будемъ считать за большую честь и приложимъ всѣ старанія, чтобъ быть достойными такой чести. Но навязывать себя въ учителя народамъ, которые насъ знать не хотятъ,—эта мысль совершенно не укладывается въ моей головѣ. Итакъ оба мистическихъ довода, что сіонизмъ предвосхищаетъ планы Провидѣнія и что онъ препятствуетъ еврейской миссіи, мы можемъ оставить безъ дальнѣйшихъ возраженій. Серьезныхъ опроверженій заслуживаютъ три остальныхъ довода, что сіонизмъ несбыточенъ, что онъ представляетъ опасность и что онъ не нуженъ.

Я не хочу дѣлать предположенія, что наши противники неискренни. Я, напротивъ, считаю искренними всѣхъ ихъ, даже протестующихъ противъ сіонизма раввиновъ, хотя относительно этихъ послѣднихъ это довольно трудно допустить. Итакъ допустимъ, что еврейскіе антисіонисты фактически остаются евреями, что они желаютъ сохранить еврейство, что они въ глубинѣ души не питаютъ надежды постепенно растворить еврейство среди европейскихъ и американскихъ народовъ и только потому возстаютъ противъ сіонизма, что онъ, по ихъ мнѣнію, препятствуетъ процессу правильнаго культурнаго развитія еврейской націи.

Я обращаюсь къ нашимъ противникамъ и постараюсь разобрать третій доводъ, который кажется самымъ безпристра-

стнымъ и который на самомъ дѣлѣ весьма важенъ. Говорятъ: еврейство для того, чтобы продолжать свое существованіе, не нуждается въ сіонизмѣ. Евреи уже двѣ тысячи лѣтъ живутъ, разсѣянные по всему лицу земли; они могутъ и дальше продолжать жить такимъ образомъ. Они въ продолженіе двадцати столѣтій противостояли преслѣдованіямъ—это достаточное ручательство, что гоненія и въ будущемъ ихъ сокрушить не смогутъ, тѣмъболѣе, что эти гоненія вмѣстѣ съ нравственнымъ совершенствованіемъ человѣчества теряютъ тотъ жестокій характеръ, который они имѣли въ прошлыя времена.

И такъ, пусть Сіонъ остается Сіономъ, мы же будемъ жить тамъ, гдѣ теперь живемъ.

Тѣ, которые говорятъ такимъ образомъ, достойны сожалѣнія, близоруки, или-же упорно закрываютъ глаза передъ очевидными фактами. Вы предполагаете, что гоненія въ будущемъ не будутъ уже носить тотъ жестокій характеръ, какой они носили въ прошедшіе вѣка? Я вамъ не совѣтую слишкомъ на это полагаться. Я только-что прибылъ изъ города, гдѣ нѣсколько недѣль тому назадъ на улицѣ раздавался крикъ „смерть жидамъ!“ „Только крикъ“ восклицаете вы? Въ Алжирѣ открыто на улицѣ среди бѣлаго дня былъ изрубленъ до смерти еврей, бѣдный докторъ Шебатъ, котораго нѣкоторые изъ моихъ друзей лично знали.

Нѣсколько тысячъ мирныхъ гражданъ стояли при этомъ и, улыбаясь, смотрѣли, какъ разбойничья шайка мученическою смертью умертвила безоружнаго человѣка. „Насъ не касается то, что произошло въ далекомъ Алжирѣ и даже въ близкомъ Парижѣ!“ Не будьте слишкомъ увѣрены въ своей безопасности. Примѣръ, который подаетъ великая нація, найдетъ подражателей среди другихъ народовъ, а политическія границы никогда не служили преградой къ проникновенію заразы. Во время пути сюда я нѣсколько времени ѣхалъ съ однимъ господиномъ-евреемъ, который зналъ меня и мои стремленія. Онъ, улыбаясь, сказалъ мнѣ: „въ Берлинѣ вы не встрѣтите сочувствія къ вашему сіонизму. Вы опоздали на нѣсколько лѣтъ. Нѣкоторое время евреямъ и у насъ жилось плохо. Но теперь *уже гораздо* лучше. Антисемитизмъ значительно ослабѣлъ, и

въ Германіи мы его почти не чувствуемъ". Совершенно вѣрно. Антисемитизмъ значительно ослабѣлъ. Спокойно, методично, вѣжливо, но неустанно, правительство и общество стремились къ тому, чтобъ отвести евреямъ подобающее мѣсто, и теперь, когда это уже достигнуто, нѣтъ болѣе никакихъ причинъ противъ нихъ враждовать. Порядочные и благоразумные люди въ такомъ благоустроенномъ, разумно управляемомъ, высоконравственномъ правовомъ государствѣ, какъ Германія, никогда не желали, чтобъ евреевъ грабили и убивали. Имъ охотно предоставляютъ право влачить жалкое существованіе съ тѣмъ, чтобъ они смирно сидѣли въ своемъ углу, и ничего не имѣютъ противъ ихъ благополучія, котораго они достигаютъ, торгуя старыми штанами.

Когда равноправіе, какъ крѣпкое вино, ударило евреямъ въ голову, тогда они, опъяненные и заносчивые, предъявили самыя невыполнимыя притязанія. Развѣ они не старались проникнуть на поприще науки, поэзіи, искусства? Развѣ они не устремились въ университеты, въ прессу, на сцену? Развѣ они не домогались должностей въ судебныхъ и другихъ учрежденіяхъ? Развѣ они не довели свою дерзость до того, что добивались офицерскихъ чиновъ? Такимъ притязаніямъ нужно было противопоставить сильный отпоръ. Краткое, но энергичное напряженіе силъ—и добрый порядокъ возстановленъ. Евреи пробудились отъ своего опъяненія, вернулись къ обычной похвальной трезвости и преодолѣли то состояніе похмелья, которое они еще испытывали нѣкоторое время. Они больше не требуютъ того, что имъ не надлежитъ. Теперь они уже понимаютъ, что еврей не долженъ предъявлять никакихъ притязаній на полученіе портупеи, судейской мантіи или фрака тайнаго совѣтника. Они болѣе не стараются проникнуть въ массонскія ложи, въ общества и союзы, гдѣ христіанскіе нѣмцы желаютъ быть въ своемъ кругу, и благодарны уже тогда, когда арійскіе благодѣтели позволяютъ какому-нибудь концессіонеру-еврею фигурировать въ общеполезныхъ обществахъ въ качествѣ казначея. Когда такимъ образомъ всякій занялъ подобающее ему мѣсто, антисемитизмъ значительно ослабѣлъ. Извѣстный стихъ въ корнелевскомъ „Сидѣ" гласитъ: „Et le

combat cessait faute de combattants" (борьба прекратилась, такъ какъ не было болѣе борцовъ). Такъ какъ евреи благоразумно удалились въ свое гетто, то христіанскому обществу не пришлось уже болѣе возмущаться; когда евреи рѣшились быть гражданами второго класса,—о нѣтъ, это слишкомъ высоко!—гражданами третьяго или четвертаго класса, тогда антисемитизмъ исчезаетъ, ибо онъ не имѣетъ почвы подъ собою. Тогда евреи могутъ достигнуть всякаго благополучія, къ которому примѣшивается порядочная доля презрѣнія. Но что-же дѣлать? Земля вообще представляетъ изъ себя юдоль плача, и благоразумный человѣкъ мирится съ этимъ.

Но я не хочу шутить, такъ какъ у меня теперь совсѣмъ не весело на душѣ. Я опечаленъ ослѣпленіемъ евреевъ, которые среди невзгодъ настоящаго утѣшаютъ себя мыслью, что антисемитизмъ это—мода и что онъ скоро пройдетъ. Оставьте эту надежду! Антисемитизмъ будетъ существовать въ самомъ отдаленномъ будущемъ. Онъ слишкомъ глубоко вкоренился въ душѣ человѣческой. Онъ находится въ тѣсной связи съ основными свойствами человѣческаго мышленія и чувствованія. Мы всѣ, евреи, какъ и христіане, дикари, какъ и цивилизованные, враждебно настроены противъ тѣхъ, кто по характеру и по привычкамъ отъ насъ отличается. Достаточно, чтобъ кто-нибудь былъ инымъ, чѣмъ мы, чтобъ онъ былъ для насъ непріятенъ. Если люди, непохожіе на насъ, представляютъ слабое, незначительное меньшинство, то у насъ нѣтъ надобности подавлять или маскировать свое отвращеніе, и оно тогда еще болѣе растетъ. Къ этому обще-человѣческому основанію враждебности каждаго большинства къ живущему среди него и непохожему на него меньшинству присоединяется въ данномъ случаѣ отголосокъ старой религіозной ненависти противъ убійцъ Бога и отзвукъ суевѣрныхъ средневѣковыхъ сказокъ о различныхъ еврейскихъ злодѣяніяхъ. Ненависть противъ непохожаго меньшинства предназначаетъ этихъ послѣднихъ съ психологической закономѣрностью быть козлами отпущенія за грѣхи и неудачи большинства.

Народы древности, когда ихъ постигало какое-нибудь *несчастіе, котораго* они не могли приписать своимъ собствен-

нымъ прегрѣшеніямъ, тогда они полагали, что ихъ домашніе боги на нихъ гнѣваются и старались ихъ умилостивить. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда народы древности считали виновниками своихъ страданій боговъ, современные просвѣщенные народы взваливаютъ вину на живущихъ среди нихъ евреевъ. Это то же самое суевѣріе, но измѣнившееся сообразно условіямъ времени. И это не измѣнится до тѣхъ поръ, пока не измѣнится природа человѣка. Я не могу сказать, до какихъ поръ это будетъ длиться, но во всякомъ случаѣ еврейству придется долго, слишкомъ долго ждать измѣненія этого порядка вещей.

Это самый существенный исходный пунктъ моихъ разсужденій. Еврейство не можетъ ждать, пока антисемитизмъ будетъ побѣжденъ и на мѣсто его возсіяетъ любовь къ ближнему и справедливость. Не воображайте, что вы имѣете уравненіе, въ которомъ вы можете опредѣлить тотъ x, который обозначаетъ конецъ многовѣковыхъ страданій еврейскаго народа. Обстоятельства теперь уже не таковы, какъ въ прошломъ; вычисленія по этому будутъ невѣрны. Образованный и сознающій свое достоиство еврей Запада чувствуетъ себя вполнѣ человѣкомъ и хочетъ, чтобы весь міръ признавалъ его таковымъ. Онъ уже болѣе не имѣетъ той непроницаемой брони вѣры, которая въ прежнія времена защищала, если не тѣло его, то, во всякомъ случаѣ, душу противъ вражды и униженій. Для его болѣе утонченной чувствительности сдѣлались невыносимыми преслѣдованія и насмѣшки. Посмотрите вокругъ себя! Можете ли вы игнорировать знаменія времени, если вы не подвержены слѣпотѣ? Осенью 1896 года журналъ „Berliner Allgemeine Israelitische Wochenschrift“ предложилъ мнѣ высказать мое мнѣніе о будущемъ еврейскаго народа. Я тогда написалъ слѣдующій отвѣтъ въ журналъ: „Еврейство въ наше время переживаетъ такія условія, которыя ведутъ къ отупѣнію духа и огрубѣнію характера. Умные, талантливые, высокоодаренные среди евреевъ, которые обладаютъ только прекрасными способностями, но не обладаютъ при этомъ возвышеннымъ характеромъ, поворачиваются къ еврейству спиной. Остаются только или тѣ, которые слишкомъ тупы, чтобы чув-

ствовать всю горечь преслѣдованій и насмѣшекъ, или же люди съ сильнымъ характеромъ, доходящимъ до упорства, и чѣмъ сильнѣе вражда, тѣмъ упорнѣе они ее выносятъ. Если такой порядокъ вещей будетъ продолжаться въ теченіе еще двухъ поколѣній, то еврейство будетъ представлять общество людей духовно неразвитыхъ, весьма ограниченныхъ, но зато непоколебимо упорныхъ, недоступныхъ всякому внѣшнему человѣческому вліянію, и будутъ ли эти люди въ достаточной мѣрѣ обладать умѣньемъ приспособляться, которое необходимо для того, чтобы не погибнуть среди многочисленныхъ и сильныхъ противниковъ—это представляется мнѣ вопросомъ чрезвычайно спорнымъ. Въ октябрѣ 1896 года, когда я писалъ эти строки, я не былъ еще сіонистомъ, не имѣлъ о немъ никакого понятія и даже слова этого не зналъ. Я увѣренно ставилъ прогнозъ, но я колебался относительно терапіи. Теперь я уже болѣе не колеблюсь относительно образа дѣйствія. Нельзя воспрепятствовать отпаденію образованнаго западнаго еврейства въ томъ случаѣ, если оно будетъ предоставлено нападкамъ антисемитизма, который, повторяю, отнюдь не есть переходное, временное явленіе. Кто хочетъ удержать образованныхъ евреевъ для еврейства, долженъ представить имъ возможность свободно развиваться, жить полною жизнью, быть окруженными всеобщимъ уваженіемъ и любовью, имѣть возможность удовлетворить свое справедливое честолюбіе; и всѣ эти условія имъ можетъ предоставить только собственное еврейское государство.

Я до сихъ поръ имѣлъ въ виду отпаденіе образованныхъ евреевъ Запада. Ваше отпаденіе я имѣлъ въ виду! Я смѣло говорю вамъ это въ глаза—старая еврейская стойкость ослабѣла и не въ состояніи будетъ больше бороться съ все болѣе усиливающимся антисемитизмомъ. Вамъ приходится выносить только духовныя страданія, которыхъ болѣе грубыя натуры и совсѣмъ не чувствуютъ. Нѣмецкій антисемитизмъ не предпринимаетъ ничего противъ тѣла. Онъ ничего не имѣетъ противъ того, чтобы еврей наполнялъ себѣ брюхо чолентомъ или даже трюфелями, и кто по природѣ своей таковъ, что видитъ достаточную цѣль жизни въ хорошемъ обѣдѣ, тотъ можетъ *себя прекрасно чувствовать* при этой формѣ антисемитизма.

Допустимъ, что очень трудно переселить шесть милліоновъ евреевъ въ Палестину, Гауранъ и Сирію, устроивъ ихъ тамъ въ качествѣ самостоятельной государственной единицы, но въ тысячу разъ труднѣе требовать отъ румынскаго правительства измѣненія законовъ, касающихся евреевъ.

Одинъ еврей не сіонистъ сказалъ мнѣ какъ-то: „румынскіе евреи насъ не касаются. Мы съ ними не имѣемъ ничего общаго". Эти слова суть вопіющая безчеловѣчность и гнусное преступленіе противъ всѣхъ естественныхъ и историческихъ условій.

Да и кромѣ того они и нелѣпы, ибо мы можемъ поступать, какъ намъ угодно, а наши враги всегда будутъ смотрѣть на еврейство всего міра, какъ на неразрывное цѣлое. Мы можемъ съ яростью вырвать изъ сердца послѣдній остатокъ чувства привязанности къ своему народу, наши враги, тѣмъ не менѣе, закуютъ всѣхъ насъ общею цѣпью солидарности, которую мы никогда порвать не сможемъ. Масштабомъ, которымъ будутъ измѣрять все еврейство въ совокупности, будетъ всегда еврей стоящій низко, и силою всего еврейства будетъ считаться сила слабѣйшей его части. Вамъ никогда не удастся оторвать отъ полы вашего изящнаго фрака цѣпляющагося за него еврея, носящаго длинный балахонъ. Ваши усилія въ этомъ отношеніи сдѣлаютъ васъ только смѣшными и презрѣнными въ глазахъ нееврея. Отвращеніе, которое внушаетъ къ себѣ пресмыкающійся нищій съ замасленными пейсами, въ грязномъ балахонѣ, переносится на насъ всѣхъ. Странствующій антисемитъ, который безнаказанно и безбоязненно глумится надъ нашими несчастными братьями на Востокѣ, издѣваясь, имѣетъ главнымъ образомъ, въ виду еврейскаго барона, тайнаго совѣтника и профессора своей родины, которымъ онъ вслѣдствіе ихъ титула и ранга обязанъ оказывать внѣшніе знаки уваженія. Грязный слѣдъ, который остается отъ каждаго пинка его ноги на длинномъ балахонѣ, непосредственно отражается на тогѣ еврейскаго судьи и профессора и на шелковомъ платьѣ еврейской баронессы. Итакъ, если не изъ чувства братства и гуманности, то во имя своихъ собственныхъ правильно понятыхъ интересовъ, мы должны стремиться къ тому, чтобы подавить

гибнущаго еврея Востока на болѣе высокую экономическую, нравственную и умственную ступень.

Это мой отвѣтъ на возраженіе, что еврейство для своего существованія не нуждается въ сіонизмѣ.

Наиболѣе образованные евреи Запада не хотятъ больше терпѣть презрѣнія и отпадутъ; тѣ-же, которые не обращаютъ вниманія на презрѣніе, погрязнутъ въ грубомъ матеріализмѣ и дѣйствительно заслужатъ презрѣніе. Евреи-же Востока погибнутъ тѣломъ и душою. Въ отдаленномъ, туманномъ будущемъ антисемитизмъ, конечно, исчезнетъ. Но если до тѣхъ поръ еврейство будетъ предоставлено на произволъ ненависти и презрѣнія своихъ враговъ, то, когда наступитъ золотая пора высокой гуманности и всеобщаго братства, евреи уже болѣе не будутъ существовать и не смогутъ радоваться зарѣ новаго свѣтлаго дня.

Теперь перейдемъ ко второму возраженію: сіонизмъ можетъ повредить евреямъ несіонистамъ. Это возраженіе имѣетъ своимъ основаніемъ столь наивный, беззастѣнчивый эгоизмъ, что нужно употребить много усилій на то, чтобъ спокойно опровергать его. Онъ сводится къ тому, что незначительная, пятая часть евреевъ, часть сытая и зажиточная, говоритъ остальнымъ четыремъ пятымъ отчаявшимся и рѣшившимся на крайнія мѣры самопомощи: „какъ вы смѣете вашимъ дикимъ призывомъ къ Сіону мѣшать нашему пищеваренію? Почему вы не скрываете вашихъ страданій? Почему вы не голодаете молча? Развѣ вы не видите, что вы даете злымъ антисемитамъ, которые досадуютъ на наше благосостояніе, лишній аргументъ противъ насъ, противъ тѣхъ, которые совсѣмъ и слышать не хотятъ о сіонизмѣ?“ Меньшинство, которое такъ обращается къ огромному большинству, имѣетъ право на вниманіе и заслуживаетъ, чтобъ ему отвѣтили: „вы съ легкимъ сердцемъ жертвуете нами и хотите, чтобы мы обращали вниманіе на васъ. Если-бъ сіонизмъ ничего болѣе не сдѣлалъ, какъ только то, что бросилъ-бы огонь подъ ваши спокойныя кресла и мягкіе ковры, то и этого одного было-бы уже вполнѣ достаточно“.

Мы, впрочемъ, не дадимъ такого отвѣта, хотя наши противники его и заслужили. Мы не хотимъ уподобиться евреямъ

несіонистамъ и быть антисемитами. Мы не радуемся, если приключается несчастіе съ какимъ-нибудь евреемъ, какъ-бы плохъ онъ ни былъ. Я раньше употребилъ слово „наивный". И на самомъ дѣлѣ я полагаю, что тѣ которые приводятъ, какъ возраженіе противъ сіонизма его опасность, дѣлаютъ это не вслѣдствіе черствaго эгоизма, а вслѣдствіе того, что они установили неправильную точку зрѣнія, вслѣдствіе того, что они нелогически разсуждали.

Поэтому мы и относительно даннаго пункта можемъ съ ними дружески и спокойно спорить.

Опасность сіонизма состоитъ въ томъ, что онъ подтверждаетъ упрекъ, дѣлаемый евреямъ, что у нихъ нѣтъ любви къ отечеству. Кто-же дѣлаетъ этотъ упрекъ? Антисемиты? Но эти еще и до появленія сіонизма объявляли насъ въ каждой странѣ неимѣющими родины чужаками и они это всегда будутъ утверждать, даже и въ томъ случаѣ, если вы въ благородномъ негодованіи отвергнете сіонизмъ. Нѣтъ болѣе безплодной политики, какъ желаніе поступать такимъ образомъ, чтобъ понравиться врагу. Мы считаемъ ниже своего достоинства придерживаться этой трусливой политики. Мы говоримъ: поступай справедливо и никого не бойся. Мы не желаемъ обезоружить антисемитовъ малодушіемъ и покорностью. Пусть они продолжаютъ клеветать. Это не помѣшаетъ намъ дѣлать то, что необходимо для блага евреевъ. Что скажутъ на это антисемиты, сдѣлаютъ-ли они это предлогомъ для новыхъ нападокъ и клеветъ, для насъ совершенно безразлично. Остаются еще тѣ христіанскіе соотечественники наши, которые не питаютъ къ намъ непримиримой вражды и добросовѣстно къ намъ относятся. Они врядъ-ли упрекнутъ насъ въ отсутствіи любви къ родинѣ вслѣдствіе того, что мы сіонисты. Да и кому бы они сдѣлали этотъ упрекъ? Тѣмъ евреямъ, которые эмигрируютъ въ Палестину? Такъ тѣ евреи вѣдь и не утверждаютъ, что они нашли отечество въ своей родинѣ. Они не льстятъ, они открыто высказываютъ свои чувства; они хотятъ быть гражданами Палестины, и ихъ глубокая, пылкая любовь къ отечеству имѣетъ своимъ объектомъ Святую Землю ихъ предковъ. Или, можетъ быть, этотъ упрекъ сдѣлаютъ тѣмъ евреямъ, которые оста-

каждой части спектра найдете еврейскія линіи: въ красномъ цвѣтѣ политики, въ зеленомъ—промышленности, въ пурпурномъ—искусства, въ фіолетовомъ—науки. Начиная съ средневѣковаго еврейскаго миннезенгера Зискинда, пѣсни котораго сохранила намъ манезійская рукопись, вплоть до Генриха Гейне и нынѣ подвизающихся еврейскихъ поэтовъ, евреи не переставали блистать на каждой страницѣ исторіи нѣмецкой поэзіи. Если вы станете называть имена нѣмецкихъ поэтовъ и писателей, которыми нѣмецкая письменность вправѣ высоко гордиться, то вамъ неизбѣжно придется назвать и еврейскія имена. Еврей Якоби далъ толчекъ конституціонному развитію Пруссіи. Евреи Симсонъ и Риссеръ были депутатами въ первомъ нѣмецкомъ парламентѣ въ соборѣ Св. Павла. Еврей Симсонъ повелъ депутацію отъ Сѣверо-Германскаго рейхстага къ первому Германскому императору изъ дома Гогенцоллерновъ.

Еврей Ласкеръ былъ въ первыхъ рядахъ созидателей Германской имперіи. О многихъ другихъ, менѣе выдающихся евреяхъ, нечего и говорить. Для нѣмецкаго еврея Германія это—глубоко обожаемая мать. Онъ знаетъ, что онъ нелюбимое ея дитя, но все таки дитя. Онъ также членъ семьи. Его, правда, заставляютъ оставаться на кухнѣ, но все таки онъ находится подъ одной общей кровлей съ остальными. Въ дни выдающихся семейныхъ торжествъ, въ дни великой радости и въ дни великой печали, забывается жестокій обычай держать его на кухнѣ; тогда его берутъ въ лучшія комнаты, онъ находится возлѣ своей матери, въ кругу болѣе счастливыхъ братьевъ, онъ вмѣстѣ со всѣми радуется, вмѣстѣ со всѣми плачетъ и впослѣдствіи, сидя опять въ кухнѣ за печью, онъ никакъ не можетъ забыть эти блаженные часы. Когда раздастся призывный кличъ отправиться въ Сіонъ, то въ душѣ нѣмецкихъ сіонистовъ разыграются потрясающія трагедіи. Многіе, и, конечно, не самые худшіе, будутъ поставлены въ тяжелое положеніе и не будутъ знать, на чемъ остановить свое рѣшеніе. Глубокая рана пронзитъ ихъ сердце, и они будутъ истекать кровью отъ этой скрытой раны. Ихъ горе въ *моментъ* рокового выбора будетъ достаточнымъ мѣриломъ ихъ *любви къ своей* нѣмецкой родинѣ. Даже тѣ, которые разста-

нутся съ родиной, въ теченіе долгихъ поколѣній будутъ въ Палестинѣ вспоминать о Германіи, какъ объ утерянной возлюбленной своей ранней молодости. Городъ Нибелунговъ—Вормсъ, дивный городъ Страсбургъ будутъ окружены поэтическимъ ореоломъ въ ихъ сагахъ и пѣсняхъ. Они будутъ вспоминать, что на землѣ того или другого святого для ихъ памяти города лежитъ пепелъ сожженныхъ ихъ предковъ. Въ новой свободной родинѣ не будетъ мѣста горькому чувству противъ преслѣдователей и мучителей. Будутъ вспоминать только съ трогательной гордостью о предкахъ, которые умѣли такъ геройски умирать. Наконецъ, у многихъ нѣмецкихъ евреевъ, и даже у хорошихъ евреевъ, не хватитъ рѣшимости разстаться съ своей родиной. И они могутъ остаться. Сіонизмъ не ждетъ и не требуетъ, чтобъ всѣ евреи обоихъ полушарій возвратились въ Палестину.

Сіонизмъ будетъ исцѣленіемъ для тѣхъ, которые страдаютъ и взываютъ о помощи. Тѣ, которые чувствуютъ себя хорошо, могутъ оставаться каждый на своемъ мѣстѣ. Мы желаемъ имъ только, чтобъ они чувствовали себя еще лучше. И это, конечно, будетъ, какъ только появится и начнетъ процвѣтать въ Палестинѣ еврейская самостоятельная общественная жизнь. Сила этой общественной жизни въ томъ и будетъ состоять, что она представитъ крѣпкій связующій центръ для евреевъ обоихъ полушарій, остающихся на своихъ мѣстахъ, центръ, который будетъ имѣть для евреевъ большее значеніе, чѣмъ Римъ для католиковъ всѣхъ странъ. Это будетъ своего рода нервная система, которая охватитъ весь міръ, а въ Сіонѣ, какъ въ мозгу, будетъ немедленно отражаться всякое новое теченіе мысли, всякое новое движеніе чувства образованнаго человѣчества. Эта новая общественная жизнь возвыситъ каждаго еврея, въ какой-бы странѣ онъ ни находился, и подниметъ его въ глазахъ его соотечественниковъ. Вы справедливо гордитесь англичаниномъ Дизраэли, итальянцами Луццати и Оттоленги и французомъ Кремье. Вы гордо подымаете голову, когда говорите объ этихъ генералахъ, объ этихъ министрахъ. И вотъ вамъ средство имѣть многихъ Кремье, многихъ Оттоленги и Луццати, многихъ Дизраэли—это создать новую об-

щественную жизнь. Мы, сіонисты, питаемъ надежду, что евреи, вернувшіеся въ Палестину, принесутъ честь тѣмъ евреямъ, которые останутся на своихъ теперешнихъ мѣстахъ. Какъ намъ всѣмъ теперь становится стыдно, когда ставятъ намъ на видъ раболѣпнаго еврея Востока, точно такъ мы будемъ гордо подымать голову, когда обновленная сіонская страна заставитъ весь міръ питать уваженіе къ еврейской способности и силѣ. Сіонизмъ не представляетъ никакой опасности для еврейства: онъ, напротивъ, спасетъ тѣхъ евреевъ, которые безъ него погибли бы, и подниметъ достоинство тѣхъ, которые считаютъ, что не нуждаются въ спасеніи. Кто не считаетъ, что уплачиваніе лепты Св. Петра есть доказательство нелюбви къ родинѣ, тотъ, само собою, не станетъ въ этомъ упрекать тѣхъ евреевъ, которые, оставаясь каждый на своемъ мѣстѣ, будутъ помогать и содѣйствовать своимъ братьямъ, стремящимся къ новой жизни, къ осуществленію своей мечты.

Остается еще послѣднее возраженіе: сіонизмъ—неосуществимая химера. Отвѣтъ на это весьма коротокъ. Пока проектъ остается на бумагѣ, противники всегда могутъ утверждать, что онъ невыполнимъ. Одними словами вы ихъ никогда не убѣдите. Единственное средство категорически имъ доказать, что они ошибаются, это—осуществленіе проекта. Это доказательство мы разсчитываемъ имъ представить. На чемъ мы основываемъ наши надежды? На убѣжденіи, что ложны всѣ доводы критиковъ, говорящихъ, что сіонизмъ пустая мечта. Намъ говорятъ: „еврейской націи не существуетъ!“ Въ Базелѣ собралось 204 человѣка изъ всѣхъ частей свѣта, и они чувствовали себя членами представителями одного народа. „Евреи, говорятъ, вовсе не желаютъ возвратиться въ Палестину“. Эти 204 человѣка въ Базелѣ удостовѣрили, что за ихъ спиной стоятъ многія сотни тысячъ евреевъ, которые сегодняшній-же день готовы препоясать свои чресла и отправиться въ Палестину. „Евреи превратились въ народъ мелкихъ торгашей и не въ состояніи будутъ приняться за плугъ“. Евреи, которые устроили земледѣльческія колоніи въ Палестинѣ, проявили себя, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, какъ усердные, прилежные и *способные* воздѣлыватели почвы. „Палестина не можетъ вмѣстить *всѣхъ евреевъ*“. Палестина съ прилегающими къ ней

провинціями можетъ вмѣстить отъ 12 до 15 милліоновъ людей, которые, кромѣ земледѣлія, смогутъ заниматься и промышленностью, будутъ развивать транзитную торговлю и способствовать всемірному торговому обороту. „Населеніе, живущее теперь въ Палестинѣ, не дастъ себя вытѣснить!“ Мы никого не хотимъ вытѣснить, и теперь уже доказано, что шестисотъ-тысячное населеніе арабское, живущее въ Палестинѣ, поддерживаетъ добрыя сосѣдскія отношенія съ евреями, переселяющимися туда. „Вопросъ о языкѣ представитъ непреодолимую преграду“. Языкъ не представитъ никакой трудности для людей, которые, не владѣя никакимъ языкомъ, кромѣ своего жаргона, пріѣзжаютъ въ Лондонъ и черезъ три мѣсяца умѣютъ уже кое-какъ изъясняться, а по истеченіи двухъ лѣтъ говорятъ уже какъ природные англичане; они переселяются въ Аргентину и черезъ полъ-года говорятъ съ туземцами бѣгло по-испански. „Державы никогда не согласятся отдать Палестину евреямъ“. Какія державы? Турція? Она охотно приметъ евреевъ, если ей за это будутъ обѣщаны какія-нибудь выгоды. Остальныя державы? Тѣ, которыхъ мучитъ еврейскій вопросъ, съ радостью будутъ привѣтствовать всякое разрѣшеніе его и въ особенности сіонистское разрѣшеніе, такъ какъ оно самое разумное. „Христіанскій міръ никогда не довѣритъ охраненія святыхъ мѣстъ евреямъ!“ Да мы этого и не добиваемся. Пусть и впредь все останется по прежнему. До тѣхъ поръ, пока христіанскія державы не будутъ считать насъ достойными чести охранять Святую Гробницу, пусть у входа въ церковь, гдѣ хранится Гробъ Господень, ходитъ съ ружьемъ на плечахъ, какъ и теперь, турецкій часовой. Но христіанскій міръ скоро убѣдится, что мы имѣемъ такое-же право на его довѣріе, какъ и мусульмане, и оно намъ въ немъ не откажетъ. Тѣ, которые считаютъ трудности сіонизма непреодолимыми, похожи на людей, которые боятся привидѣній. Весь вопросъ сводится, если не всецѣло, то главнымъ образомъ, къ деньгамъ. Они говорятъ: „сіонизмъ неосуществимъ, и потому мы держимся отъ него въ сторонѣ“. На это имъ слѣдуетъ отвѣтить: „сіонизмъ потому неосуществимъ, что вы держитесь отъ него въ сторонѣ“. Если-бъ зажиточные, богатые евреи захотѣли прійти

на помощь нуждающимся братьямъ, передовымъ піонерамъ будущаго государства, если-бъ они дали деньги не въ видѣ милостыни, а въ видѣ хорошо обезпеченнаго, оплачиваемаго процентами займа, то Сіонъ въ самое непродолжительное время пересталъ бы быть поэтической метафорой, а превратился бы въ реальную политическую величину. Въ самомъ близкомъ будущемъ вы будете имѣть возможность своими деньгами содѣйствовать осуществленію сіонской идеи. Черезъ нѣсколько недѣль будетъ опубликовано воззваніе объ открытіи еврейскаго колоніальнаго банка, и вы сможете сдѣлать туда свои взносы.

Прежде чѣмъ окончить, я въ краткихъ словахъ резюмирую все сказанное. Правильно возстаютъ противъ сіонизма только тѣ, которые желаютъ исчезновенія еврейства. Но они не имѣютъ права вмѣшиваться въ наше дѣло, такъ какъ сіонизмъ ихъ не касается, а касается только тѣхъ евреевъ, которые желаютъ сохраненія еврейства. Если существующія нынѣ условія не измѣнятся, еврейство непремѣнно должно будетъ исчезнуть. Просвѣщенные евреи отпадутъ; необразованные-же погибнутъ, если не будутъ поставлены въ лучшія экономическія и умственныя условія. Сіонизмъ для многихъ евреевъ представитъ исцѣленіе и ни для кого онъ не представляетъ опасности.

Неосуществимость сіонизма это—сказка, придуманная малодушными и недальновидными людьми, которые не могутъ представить себѣ зданія, пока оно не отстроено окончательно и не осушено.

Мое послѣднее слово: евреи будутъ въ Сіонѣ или ихъ совсѣмъ не будетъ!

ПОЛОЖЕНІЕ ЕВРЕЕВЪ ВЪ 189⁷/₈ ГГ. *)

Многоуважаемое собраніе!

Снова на мою долю выпало изобразить картину всеобщаго положенія еврейскаго народа. Это неблагодарная задача, такъ какъ приходится повторяться. Я теперь не могу прибавить ничего существеннаго къ тому, что я уже говорилъ въ прошломъ году. Нигдѣ положеніе не улучшилось, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оно даже ухудшилось.

Въ Румыніи для евреевъ закрытъ доступъ въ правительственныя учебныя заведенія. Хотятъ лишить пищи не только ихъ тѣло, но и духъ. Народъ, идя рука объ руку и живя душа въ душу со своимъ правительствомъ, разграбилъ и разорилъ еврейскія лавки въ Букарестѣ и Галацѣ. Я говорю „народъ", а не чернь, потому что нападающіе, въ большинствѣ случаевъ, были студенты, образованные люди, которые нападали на евреевъ-чужаковъ,—исключительно изъ-за благороднаго чувства любви къ отечеству. Власти же благодушно смотрѣли на это и гордились воодушевленіемъ и благородствомъ юношества своей страны.

Въ Галиціи во многихъ мѣстахъ вспыхнули такія сильныя народныя волненія, что потребовалось содѣйствіе войскъ, примѣненіе оружія и введеніе военно-полевыхъ законовъ. Во многихъ мѣстахъ опасность угрожала жизни нашихъ братьевъ, десятки ихъ были тяжело ранены, сотни превратились въ жалкихъ нищихъ, такъ какъ все имущество было у нихъ разграблено. Подобныя же событія, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, произошли и въ Богеміи.

Румынія, Галиція это—классическіе очаги еврейскихъ страданій. Само собою разумѣется, что ихъ тамъ стѣсняютъ, угнетаютъ, преслѣдуютъ. Объ этомъ, собственно говоря, даже

*) Рѣчь, произнесенная на второмъ сіонистскомъ конгрессѣ въ Базелѣ.

излишне и упоминать. На подробностяхъ не интересно останавливаться. Это, вѣдь, отсталый Востокъ, для котораго еще не возсіяло благодатное солнце просвѣщенія. Но смотрите—просвѣщенный Западъ представляетъ намъ ту-же картину! Въ странахъ наибольшей свободы и просвѣщенія, въ странахъ, гдѣ философская терпимость побѣдила религіозную ненависть, а принципъ братства побѣдилъ національные предразсудки, въ этихъ странахъ раздаются тѣ же ликующіе возгласы: „смерть евреямъ!“.

Франція великой революціи и провозглашенія правъ человѣка, Франція, которая первая дала Европѣ примѣръ гражданскаго равноправія евреевъ, эта страна стоитъ теперь во главѣ антисемитическаго движенія.

Фактъ этотъ вѣренъ, хотя справедливость требуетъ сказать, что это до сихъ поръ еще не проявляется въ оффиціальныхъ дѣйствіяхъ и рѣчахъ. Теперь тамъ въ полномъ разгарѣ работа медленнаго, но безпрерывнаго и неукоснительнаго устраненія евреевъ отъ почетныхъ должностей и высокихъ постовъ, работа, которая уже дала въ Германіи столь примѣрные, прекрасные результаты. Стараются евреямъ отвести особенное положеніе, стараются возвести незримыя, но тѣмъ не менѣе, весьма крѣпкія стѣны гетто вокругъ отверженныхъ. Это мы говоримъ о континентальной Франціи. Въ Алжирѣ преслѣдованія евреевъ ушли гораздо дальше. Тамъ не остановились на оскорбленіяхъ отдѣльныхъ евреевъ, на уличныхъ волненіяхъ и на крикахъ „смерть жидамъ!“, на бросаніи камней въ окна магазиновъ, какъ это имѣло мѣсто въ Парижѣ, Нанси, Нантѣ; тамъ сплошь грабили, а нѣкоторыхъ убили. Неоднократно требовали отмѣны декрета Кремье, предоставляющаго алжирскимъ евреямъ права французскихъ гражданъ. Пресса предательски натравляла антисемитскую чернь; она называла имена и указывала мѣстожительство лицъ, которые давали занятіе еврейскимъ рабочимъ или покупали въ еврейскихъ лавкахъ; вслѣдствіе этого тысячи еврейскихъ пролетаріевъ и сотни мелкихъ еврейскихъ торговцевъ лишились послѣдняго куска хлѣба.

Вы всѣ знаете, что было поводомъ взрыва негодованія противъ евреевъ во Франціи. Это—дѣло Дрейфуса. Нашъ конгрессъ, который представляетъ собою еврейство во всей его совокупности, не имѣетъ никакой надобности заниматься этимъ дѣломъ. Это дѣло не касается еврейскаго народа; оно касается французскаго народа. Только сопровождающія его побочныя обстоятельства затрагиваютъ еврейскіе народные интересы, и только на этихъ побочныхъ обстоятельствахъ я вкратцѣ остановлюсь съ вашего позволенія.

Французскіе антисемиты придумали наивную сказку о такъ называемомъ еврейскомъ синдикатѣ, который затрачиваетъ неограниченныя суммы съ тѣмъ, чтобы организовать дьявольскій заговоръ противъ французскаго государства. Не смотря на всю нелѣпость обвиненія, ему тѣмъ не менѣе повѣрили. Большинство французовъ дѣйствительно вѣритъ въ сказку о синдикатѣ. Поэтому не преувеличено будетъ, если мы скажемъ, что это столь-же злонамѣренная, сколько и глупая выдумка. Это достойное прибавленіе къ сказкѣ объ употребленіи христіанской крови. Съ юдофобскими лжецами мы не намѣрены вести полемики. Тамъ, гдѣ они сильнѣе насъ физически, тамъ они, пользуясь обстоятельствами, могутъ насъ умерщвлять; но имъ никогда не удастся преодолѣть нашего къ нимъ отвращенія. Порядочнымъ, но легковѣрнымъ, введеннымъ въ заблужденіе французамъ, мы скажемъ: „Будьте увѣрены, что ни одинъ еврей въ мірѣ не желаетъ причинять и не причинитъ вамъ никакого зла. Евреи большинства странъ питаютъ къ вамъ чувства любви и благодарности. И даже нѣмецкіе евреи, которые не въ состояніи забыть, что вы враждебно настроены противъ ихъ родины, для которой они преданные сыновья и вѣрные граждане, даже они хорошо помнятъ, что вы въ славныя эпохи вашей исторіи были свѣточами гуманности, вождями прогресса, и они отъ души желаютъ вамъ преуспѣянія и благоденствія до тѣхъ поръ, пока вы будете въ мирѣ съ ихъ отечествомъ!“.

Если вы французовъ, вѣрящихъ въ сказку о синдикатѣ, спросите, какова, по ихъ мнѣнію, причина, побудившая евреевъ образовать синдикатъ, чтобъ защитить Дрейфуса, то они

вамъ отвѣтятъ: „Вѣдь извѣстно, какая тѣсная сплоченность существуетъ между всѣми евреями. Они не допустятъ, чтобы съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ приключилась малѣйшая непріятность". Скажемъ нѣсколько словъ объ этой пресловутой сплоченности. Гдѣ это видано было, чтобы евреи во всей своей совокупности, или даже только въ большомъ количествѣ, заступались за еврейскаго преступника? Никто не осуждаетъ болѣе сурово еврейскіе грѣхи, чѣмъ сами евреи. Ни одно стадо не исключаетъ такъ неумолимо шелудивыхъ овецъ, какъ еврейское стадо. Мы никогда не стараемся смягчить дурной поступокъ нашего единовѣрца; мы возмущаемся только методомъ нашихъ вѣроломныхъ враговъ, которые недостатокъ одного еврея тотчасъ же обобщаютъ и приписываютъ всему еврейству.

Точно также и въ дѣлѣ Дрейфуса ни одному еврею въ мірѣ не пришла сначала къ голову мысль стать на сторонѣ человѣка, обвиняемаго въ гнусномъ преступленіи, только потому, что онъ еврей. Еврейство начало только тогда прислушиваться, когда оно замѣтило, что этотъ процессъ имѣетъ совсѣмъ иной характеръ, чѣмъ любой изъ процессовъ въ государственной измѣнѣ, которые вовсе не такъ рѣдки въ уголовной хроникѣ. Пресса, которая начала останавливаться на подробностяхъ этого процесса, была антисемитская. Она еще задолго до произнесенія приговора сдѣлала самые широкіе выводы. Она говорила: „Франція заслужила того, что ее продалъ еврейскій офицеръ. Вѣдь извѣстно, что еврей по самой природѣ своей измѣнникъ. Поэтому намъ и не слѣдовало допустить его къ офицерской службѣ, гдѣ бы онъ въ состояніи былъ проявить свои вѣроломныя свойства, могущія имѣть столь пагубныя послѣдствія." Итакъ, антисемиты съ самаго начала имѣли намѣреніе сдѣлать этотъ процессъ орудіемъ нападокъ противъ еврейства и посредствомъ этого орудія они предполагали изгнать евреевъ изъ офицерской службы.

Это должно было напомнить нападаемымъ объ ихъ гражданскомъ долгѣ. Такъ какъ нападали на все еврейство, то, естественно, все еврейство должно было и защищаться. Такъ какъ у французскихъ евреевъ захотѣли отнять благопріобрѣ-

тенное ими почетное право, то они, какъ одинъ человѣкъ, должны были-бы вступиться для защиты своего права.

Но этого какъ разъ и не случилось. Съ досадой, съ горечью, со стыдомъ и отчаяніемъ я говорю это:—еврейство позволило, чтобы ему бросили упрекъ, что еврей по самой природѣ своей измѣнникъ, и не нашло ни одного слова для своего оправданія. Французское еврейство позволило, чтобы ему сказали: „это происходитъ отъ того, что евреямъ открытъ доступъ къ офицерскимъ должностямъ“, и французское еврейство оставалось нѣмымъ. Евреи видѣли, что начался процессъ не противъ одного Дрейфуса, а противъ всего еврейства, и оно не раскрыло даже рта, чтобы требовать себѣ права, которое предоставляется всякому обвиняемому, права защищаться. Еще болѣе—когда было уже вполнѣ доказано, что въ процессѣ Дрейфуса не были соблюдены самыя основныя гарантіи правосудія, что обвиняемый былъ осужденъ, и ему даже не объявлено было, на какомъ основаніи, даже и тогда не слышно было еврейскихъ голосовъ, которые протестовали бы противъ попранія права и справедливости. Христіане выполнили этотъ долгъ чести. Это заслуги христіанъ, что они выступили борцами за правду. На евреяхъ тяготѣетъ позоръ, что они оставались праздными зрителями въ то время, какъ чужіе люди жертвовали собою, вступивъ въ борьбу за священнѣйшее право человѣка—за справедливость.

Для облегченія нашей совѣсти я могу сказать, что единичные евреи выполнили свой долгъ. Добрый, смѣлый Бернаръ Лазаръ, нашъ храбрый союзникъ Жакъ Багаръ, мужественный Жозефъ Рейнахъ спасаютъ нѣсколько честь еврейства. Но сколько мы имѣемъ такихъ мужественныхъ людей?—Горсточку. Незначительная кучка въ громадной толпѣ еврейства, даже только французскаго еврейства. Мы должны стыдиться и краснѣть, если мы съ этою малою кучкою неустрашимыхъ сравнимъ длинный рядъ христіанскихъ героевъ, которые жертвовали состояніемъ, свободою, гражданскими почестями и жизнью въ борьбѣ за право, которое касалось ихъ самымъ отдаленнымъ образомъ. Эмиль Золя, Пикаръ, Шереръ-Кестнеръ, Трарье, Жоржъ Клемансо, Ивъ Гюйо, Жоресъ, Лабори, Бьернсонъ,

Кониберъ, это еще не всѣ имена, которыя заслужили себѣ неувядаемую славу въ этомъ трагическомъ дѣлѣ. Это христіанскія имена, арійскія имена! Еврейскія же имена, которыхъ я не хочу произносить, такъ какъ они обжигаютъ мнѣ языкъ, какъ ядъ или желчь,—еврейскія имена мы встрѣчаемъ въ громадномъ количествѣ среди тѣхъ литературныхъ бандитовъ, которые нападали на Золя и его союзниковъ, и евреемъ былъ тотъ, который сказалъ гнусныя слова: „Дрейфусъ можетъ быть виновнымъ или невиннымъ, но мы ничего о немъ знать не хотимъ и не допустимъ пересмотра процесса“.

Вотъ вамъ эта пресловутая еврейская сплоченность! Народъ, который первый среди остальныхъ народовъ провозгласилъ справедливость, народъ, который позналъ своего Бога, какъ Бога справедливости, какъ праведнаго судью, этотъ народъ не принимаетъ участія въ борьбѣ за право, единственно потому, что жертвою попранія права палъ еврей. Я вѣрю въ мой народъ, я убѣжденъ, что десятки, сотни тысячъ евреевъ воспламенились бы священнымъ гнѣвомъ, писали, говорили, голосовали, агитировали, жертвовали кровью и деньгами, если-бы то, что случилось съ Дрейфусомъ, случилось съ цыганомъ, лапландцемъ, ботокудомъ. Но такъ какъ это случилось съ евреемъ, то евреи только поникли головою, вздыхали и предоставили христіанамъ пожинать лавры Вольтера.

Антисемиты о насъ не въ примѣръ лучшаго мнѣнія, чѣмъ мы того заслуживаемъ. Они ни минуты не сомнѣвались въ томъ, что мы примемъ участіе въ борьбѣ за правду, и такъ какъ они между борцами встрѣтили только два или три еврейскихъ имени, то они поэтому заключили, что евреи принимали тайное, но дѣятельное участіе въ борьбѣ. Этимъ объясняется то обстоятельство, что многіе даже благомыслящіе христіане не только во Франціи, но и въ другихъ странахъ, твердо убѣждены въ существованіи пресловутаго синдиката. Эта столь хитро придуманная юдофобскими клеветниками сказка вполнѣ соотвѣтствуетъ сложившемуся у нихъ мнѣнію о любви евреевъ къ справедливости, объ ихъ умѣ и силѣ, объ ихъ тѣсной сплоченности. Выдумка нашихъ враговъ показываетъ, какого они о насъ мнѣнія. Но мы оказались гораздо хуже, чѣмъ думаютъ

о насъ наши враги и ненавистники, и, такимъ образомъ, дѣло Дрейфуса мы можемъ разсматривать, какъ поразительно вѣрный масштабъ для измѣренія степени нашей слабости, трусости, тупости и взаимной отчужденности другъ отъ друга.

Послѣ всего мною изложеннаго, я думаю, вполнѣ ясно, что антисемитизмъ не потому вспыхнулъ во Франціи, что евреи заступились за Дрейфуса. Фактъ тотъ, что не евреи заступились за Дрейфуса, а христіане; что евреи пальцемъ не пошевелили для защиты, хотя этотъ процессъ сдѣлали предметомъ страшныхъ нападокъ на ихъ честь. Французскій антисемитизмъ не есть послѣдствіе дѣла Дрейфуса, а его причина. Если-бы не было антисемитизма, то, навѣрное, никогда не коснулось бы Дрейфуса подозрѣніе въ государственной измѣнѣ, и ужъ во всякомъ случаѣ, падающее на него обвиненіе не было, бы приписано всему еврейству; точно также требованіе о пересмотрѣ процесса не вызвало бы тогда столь яростныхъ вспышекъ народныхъ страстей. Дѣло Дрейфуса сдернуло покрывало и раскрыло всѣ тайные помыслы. Оно служитъ напоминаніемъ и поученіемъ для тѣхъ евреевъ, которые думаютъ, что они въ концѣ концовъ будутъ приняты, какъ родные, въ среду народовъ, по крайней мѣрѣ въ самыхъ передовыхъ государствахъ Запада. Этотъ процессъ займетъ мѣсто въ исторіи евреевъ; онъ будетъ имѣть серьезное воспитательное значеніе, какъ предостереженіе, разъясненіе и наказаніе; поэтому мы даже и по поводу процесса Дрейфуса можемъ воскликнуть съ нашимъ неизмѣннымъ еврейскимъ оптимизмомъ: „gam su letoba!“ *).

Франція не есть единственная страна свободы и просвѣщенія, гдѣ старое привидѣніе—ненависть къ евреямъ появляется при яркомъ дневномъ свѣтѣ прогресса и культуры. Въ Англіи, о которой я еще только въ прошломъ году отзывался такъ восторженно, правительство съ согласія палаты лордовъ установило законъ, воспрещающій въѣздъ въ страну иностранцамъ, лишеннымъ средствъ. „Иностранцы, лишенные средствъ“, это есть тотъ фиговый листъ стыдливости, которымъ прикрываютъ слово „еврей“, слово, признаваемое англійскими госу-

*) И это къ лучшему.

дарственными мужами слишкомъ нагимъ для застѣнчивыхъ сыновъ просвѣщеннаго девятнадцатаго столѣтія. Англія, которая всегда гордилась тѣмъ, что она была убѣжищемъ для всѣхъ преслѣдуемыхъ, что она была естественной родиной для всѣхъ безпріютныхъ; страна, которая гостепріимно принимала въ прошедшіе вѣка фламандцевъ и гугенотовъ; при Кромвелѣ приведенныхъ Менассою бенъ-Израелемъ сефардовъ, *) при Георгѣ III французскихъ эмигрантовъ—святое убѣжище для всего человѣчества закрываетъ доступъ для одной группы людей—для евреевъ. Стараются оправдать различными основаніями эту жестокость, противорѣчащую всѣмъ англійскимъ традиціямъ. Говорятъ, что иностранные евреи ложатся бременемъ на англійскихъ учрежденіяхъ для бѣдныхъ; говорятъ, что они отбиваютъ хлѣбъ у англійскихъ рабочихъ. Эти оба довода противорѣчатъ одинъ другому и одинъ другого исключаютъ. Если евреи—нищіе, попрошайки, тогда они не отбиваютъ хлѣба у англійскихъ рабочихъ. Если же они успѣшно работаютъ и отбиваютъ хлѣбъ у англійскихъ рабочихъ, тогда они не могутъ быть бременемъ учрежденіямъ для бѣдныхъ. Впрочемъ, вполнѣ доказано, что оба довода только пустой предлогъ. Евреи, поселяющіеся въ Англіи, не попрошайки, а, напротивъ, прилежные и старательные работники, которые въ большинствѣ случаевъ современемъ достигаютъ сравнительнаго благосостоянія. Тѣ же изъ нихъ, которые нуждаются временно въ денежной поддержкѣ, получаютъ ее отъ своихъ же единовѣрцевъ и не обременяютъ англійскихъ христіанъ, не смотря на то, что они имѣютъ право на пособіе, такъ какъ уплачиваютъ налогъ въ пользу бѣдныхъ. Они не отнимаютъ хлѣба у англійскихъ рабочихъ, а, напротивъ, создавая новыя отрасли промышленности, которыя до нихъ были неизвѣстны, тѣмъ самымъ увеличиваютъ благосостояніе страны. Итакъ, законъ противъ неимѣющихъ средствъ иностранцевъ есть не что иное, какъ симптомъ скрытаго антисемитизма.

Даже Соединенные Штаты Сѣверной Америки не остались нетронутыми этой болѣзнью. Законъ, государство, конечно, не знаютъ тамъ ненависти къ евреямъ. Но общество про-

*) *Испанскихъ евреевъ.*

являетъ ее. Количество гостиницъ и учебныхъ заведеній, въ которыя закрытъ доступъ для евреевъ, довольно велико и съ теченіемъ времени все больше увеличивается.

Таково положеніе вещей. Въ странахъ Востока евреевъ ненавидятъ; въ западныхъ культурныхъ странахъ съ ними поступаютъ точно такъ же, только нѣсколько маскируя это. На Западѣ положеніе не лучше, чѣмъ на Востокѣ. Чтобы насъ не упрекнули въ неблагодарности, мы назовемъ тѣ страны Европы, гдѣ евреи не имѣютъ никакихъ поводовъ жаловаться. Въ Голландіи, Бельгіи, Италіи, Скандинавскихъ государствахъ на евреевъ смотрятъ, какъ на людей и какъ на полноправныхъ гражданъ, и только иногда рѣзкій крикъ изъ неумытыхъ устъ уличнаго мальчишки напоминаетъ имъ, что и здѣсь еще не совсѣмъ разучились смотрѣть на нихъ, какъ на особенную группу людей. Къ этимъ странамъ принадлежитъ и свободная Швейцарія, драгоцѣнный воздухъ которой мы теперь вдыхаемъ нашими легкими; ея мужественные сыны привѣтствовали насъ вечеромъ третьяго дня братскими кликами, которые тронули насъ до глубины души, какъ объ этомъ уже съ благодарностью упомянулъ нашъ предсѣдатель, д-ръ Герцль. Но эти государства—счастливые островки спокойствія въ безпредѣльномъ океанѣ ненависти къ евреямъ—едва ли вмѣщаютъ въ своихъ предѣлахъ 200.000 евреевъ, и ни для кого не секретъ, что справедливое отношеніе къ евреямъ въ этихъ странахъ будетъ подвергаться тяжелому искушенію, если здѣсь будетъ все болѣе и болѣе увеличиваться наплывъ евреевъ, гонимыхъ изъ другихъ странъ. Еврейскіе противники сіонизма, когда мы имъ показываемъ эту картину всеобщаго положенія евреевъ во всемъ мірѣ, не могутъ отрицать, что она вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности, но они начинаютъ дѣлать головой и руками извѣстныя успокоительныя движенія и бормочутъ съ умиленіемъ: „не слѣдуетъ обобщать отдѣльныхъ печальныхъ явленій. Антисемитизмъ это отвратительная мода дня, и онъ скоро пройдетъ“.

Какъ! Вы видите, что зараза ненависти къ евреямъ заносится изъ старыхъ очаговъ въ новые, вы видите, что она съ поразительною силою вспыхиваетъ въ мѣстахъ, гдѣ ее въ

продолженіе десятилѣтій, даже столѣтій, считали уже давно потухшею, или же проявляется въ странахъ, гдѣ о ней раньше даже и не знали, какъ наприм., въ Сѣверной Америкѣ, и вы это называете „отдѣльными явленіями“! Вы осмѣливаетесь предсказывать скорое исчезновеніе антисемитизма, не смотря на то, что противъ лживости вашего предсказанія громко протестуетъ весь ходъ еврейской исторіи устами семидесяти мучающихся и стонущихъ поколѣній. Ваши предсказанія — не что иное, какъ форма злостнаго банкротства. Такъ какъ вы не можете въ настоящій моментъ уплатить вашего долга, то вы выдаете громадныя обязательства на будущее время, хотя вы хорошо сознаете, что вы ихъ никогда не въ состояніи будете выплатить, и что они вамъ ровно ни во что не обойдутся. Будьте же честны! Имѣйте-же мужество при вашемъ безсердечіи! Скажите вы еврейскому народу: „намъ живется, сносно и намъ не нужны никакія перемѣны. Вы-же, преслѣдуемые, униженные, страдающіе—до васъ намъ нѣтъ никакого дѣла“. И еслибъ вы искренно сознались въ дѣйствительныхъ причинахъ вашего поведенія, то мы, пожалуй, противъ васъ ничего не имѣли бы. Еврейскій народъ просто вычеркнулъ бы васъ изъ своего счета, и счетъ, благодаря этому, сдѣлался бы болѣе яснымъ, болѣе точнымъ, болѣе вѣрнымъ. Вы тогда не вводили бы въ заблужденіе неопытныхъ, и нерѣшительные люди не имѣли бы готоваго отвѣта на тотъ случай, кода они желали-бы ретироваться въ самый рѣшительный моментъ. Еврейство тогда знало-бы, кто дѣйствительно работаетъ для исцѣленія или, по крайней мѣрѣ, для облегченія его тысячелѣтнихъ страданій; оно знало бы, что вы лживые врачи, забывшіе о своихъ обязанностяхъ, даете снотворный напитокъ лишь для того, чтобы вашъ ночной покой не потревожили стоны больного. Такой образъ дѣйствій можетъ имѣть еще свое оправданіе по отношенію къ умирающему, котораго уже нельзя излѣчить, но которому хотятъ облегчить предсмертныя муки. Но мы вамъ не отдадимъ еврейства. Мы твердо вѣримъ въ его жизненную силу и надѣемся еще видѣть его въ цвѣтущемъ и здоровомъ состояніи. По отношенію къ *такому больному* примѣнять терапію наркоза, который

только ускоряетъ конецъ—это преступленіе. Изображеніе положенія евреевъ было-бы крайне одностороннимъ и неполнымъ, если бы мы ограничились только тѣмъ, что очертили бы отношеніе другихъ народовъ къ живущимъ среди нихъ нашимъ братьямъ. Такъ же важно, даже еще важнѣе, чѣмъ отношеніе другихъ народовъ къ евреямъ, это отношеніе евреевъ другъ къ другу:—разныя теченія мысли, движенія чувства, стремленія, которыя возникаютъ среди нашего народа. Картина эта невеселая и можетъ отнять всякую вѣру въ наше будущее у человѣка малодушнаго. Первое воздѣйствіе сіонизма на еврейскій народъ напоминаетъ мнѣ извѣстную картину природы, которую каждый изъ васъ, конечно, видѣлъ. Прелестенъ зимній ландшафтъ. Ледяной панцырь покрываетъ рѣки, снѣговой покровъ—поля; эта мрачная картина гробового спокойствія навѣваетъ благоговѣйныя, печальныя мысли о великомъ умершемъ Панѣ. Прелестный весенній ландшафтъ представляетъ болѣе веселую картину. Журчатъ зеркальные ручейки, поля зеленѣютъ и цвѣтутъ, новая жизнь пробивается и ткетъ повсюду чудные узоры. Но переходъ отъ одной картины къ другой! Первое дѣйствіе весеннихъ солнечныхъ лучей таково, что они разрушаютъ зимній ландшафтъ, но не создаютъ тотчасъ же вмѣсто него весенняго ландшафта. Этотъ промежутокъ времени весьма непріятенъ. Онъ былъ бы несносенъ, еслибъ не увѣренность, что это переходъ къ новой красотѣ. Чистая ледяная поверхность рѣкъ разрыхлена и превратилась въ какую то сѣрую, глинистую кашу; бѣлый снѣговой покровъ растаялъ и превратился въ бездонную тину; нѣкоторое время весь ландшафтъ представляетъ сплошную грязную лужу, пока постепенно на ея мѣстѣ не появляются яркіе, пестрые цвѣты и обильная зелень. Нѣчто подобное переживаетъ теперь и еврейство. До сихъ поръ его можно было уподобить зимнему ландшафту. Все было окоченѣлымъ, все было блѣдно и холодно. Но неподвижныя формы были монументальны. Это была величественная картина—величіе смерти. Какъ между самими евреями, такъ еще больше между христіанами, были романтики, которымъ нравилась поэзія этой картины, и они

считали святотатствомъ нарушить правильность неподвижныхъ линій, нарушить цѣльность снѣгового покрова, чтобы не обнажить голую землю. И вотъ явился сіонизмъ и, какъ весеннее солнце, началъ согрѣвать эту величественную снѣжную пустыню. Въ разбросанныхъ уголкахъ, въ защищенныхъ котловинахъ уже пробиваются стебельки былинокъ и раннихъ подснѣжниковъ. Но на всемъ остальномъ пространствѣ сплошное, громадное болото. Въ этомъ морѣ грязи мы бродимъ теперь Въ этой рыхлой тинѣ мы вязнемъ на каждомъ шагу по колѣни, по поясъ. Какъ это противно! Какъ это тяжело! Все низменное, все скверное, что заключаетъ въ себѣ еврейство и что до сихъ поръ было скрыто подъ ледянымъ покровомъ, всплываетъ теперь наружу. Но стоитъ только заглянуть въ календарь, и тяжелое настроеніе сразу проходитъ. Ибо, вѣдь, мы знаемъ, что весна уже близка, что она всегда такъ начинается; что поля раньше изображаютъ изъ себя грязное болото. но вскорѣ затѣмъ, подъ дѣйствіемъ волшебныхъ чаръ покрываются цвѣтущею растительностью. Сіонизмъ пробуждаетъ еврейство къ новой жизни; это мое твердое убѣжденіе. Онъ дѣйствуетъ морально. обновляя народные идеалы. Онъ дѣйствуетъ физически и тѣлесно, воспитывая подростающее поколѣніе такимъ образомъ, что въ немъ мы опять будемъ имѣть, какъ и въ древнія времена, еврейство съ сильными мускулами. Но сіонизмъ проводитъ также рѣзкую грань между тѣмъ, что живетъ, и тѣмъ, что умерло. Только теперь мы видимъ, какія страшныя опустошенія произвели среди насъ восемнадцать столѣтій діаспоры.

Въ первый разъ послѣ отчаянной борьбы великаго Баръ-Кохбы, котораго только жалкіе поклонники успѣха могутъ ставить ниже блестящаго Хасмонея, снова у еврейства назрѣла потребность напрячь свои силы и доказать этимъ себѣ самому и всему міру, сколько еще въ немъ скрыто жизненной энергіи, силъ и надеждъ. И теперь только мы убѣждаемся, что многое, казавшееся живымъ до тѣхъ поръ пока не требовалось доказательства жизненности, на самомъ дѣлѣ уже мертво. Многіе евреи и внѣшнимъ образомъ отпали отъ еврейства. *Этотъ процессъ отпаденія* начался со времени разрушенія вто-

рого храма и никогда не прекращался, но за послѣдніе годы въ западныхъ странахъ онъ особенно усилился. Но еще большее количество евреевъ, сами того не сознавая, потеряли свою внутреннюю связь съ народомъ и фактически отпали. Они сами и весь міръ считаютъ ихъ евреями, но они остаются евреями только изъ-за привычки, изъ-за удобства, изъ-за духовной лѣности. Принадлежность къ еврейству подвергаетъ ихъ преслѣдованіямъ, но они потеряли чувство собственнаго достоинства и не страдаютъ отъ этихъ преслѣдованій, или же имъ доставляетъ удовольствіе сознаніе, что они являются интересными мучениками. Въ минуты грезъ они вѣрятъ Дизраэли, Джоржъ-Элліотъ, Александру Дюма-сыну, которые нарисовали заманчивую картину прекрасной будущности, могущества и силы еврейскаго народа. Они погружаются въ эти сны, которые имѣютъ всю прелесть, всю несбыточность сновидѣнія. Положительныхъ дѣяній—еврейство отъ нихъ не требуетъ. 613 предписаній и запретовъ Шулханъ-Аруха они высмѣиваютъ Налоги въ пользу общины ихъ не слишкомъ обременяютъ. Въ синагогу они ходятъ только въ судный день. Они сами себя убѣждаютъ, что они хорошіе евреи, только потому, что любятъ Гейне, восхищаются Даніэлемъ Дэронда и хвалятъ кугель и чолентъ *). Вдругъ появляется сіонизмъ и взываетъ къ нимъ: „Встаньте! Опомнитесь! Дѣлайте-же дѣло! Очистьте себѣ самимъ и своему народу мѣсто подъ солнцемъ! Не предавайтесь покою, не покладайте рукъ, пока вы не убѣдите индифферентныхъ людей и даже враговъ, что вы имѣете такое же право быть народомъ, какъ и всякій другой народъ, что вы имѣете право наслаждаться жизнью!“ Внезапно наступаетъ конецъ лѣнивому лже-еврейству, его пассивной дремотѣ, его старымъ привычкамъ. Тогда эти лже-евреи возстаютъ въ своемъ сильномъ гнѣвѣ, который кажется намъ смѣшнымъ. „Если наше восхищеніе субботними мелодіями не есть достаточное доказательство нашихъ еврейскихъ чувствъ, тогда намъ уже ничего не остается дѣлать“ говорятъ они съ раздраженіемъ и объявляютъ намъ, возмутителямъ, гибельную войну. Здѣсь раввины вычеркиваютъ, дѣйствительно утратившій для нихъ

*) Кушанья, употребляемыя евреями въ субботу.

значеніе, призывъ надежды и обѣта: „въ будущемъ году въ Іерусалимѣ". Тамъ раввины протестуютъ противъ сіонизма, какъ противъ запрещеннаго еврейской религіей новшества. Одинъ очень чтимый мною еврейскій историкъ, который по порученію одного еврейскаго общества составляетъ еврейскія лѣтописи, написалъ исторію евреевъ въ 1897 году и ни однимъ словомъ не обмолвился о первомъ сіонистскомъ конгрессѣ въ Базелѣ. Другой еврей имѣлъ дерзость утверждать, что мы на нашемъ конгрессѣ въ прошломъ году виляли, что мы хотимъ трусливо убѣжать отъ нашихъ преслѣдователей; онъ же, герой, смѣло подставляетъ свою щеку сыплющемуся на нее граду звонкихъ пощечинъ и храбро подставляетъ свою спину для пинковъ антисемитскихъ народовъ.

Эти явленія печальны, но они естественны и не должны насъ тревожить. Мы очень древній народъ, и наша исторія, насчитывающая нѣсколько тысячелѣтій, видѣла уже все. Ничего новаго уже, собственно говоря, съ нами не можетъ случиться. Когда Моисей захотѣлъ освободить свой народъ отъ рабства въ Египтѣ, то первыми возмутились евреи и угрожали, что они донесутъ на него египетскимъ властямъ. Когда Эздра и Нехемія возвращались въ Сіонъ, то богатые и просвѣщенные евреи, любители чолента и почитатели Гейне того времени, остались въ Вавилонѣ, отнесшись съ насмѣшкой къ безумнымъ мечтателямъ, пожелавшимъ возродить свой народъ, и почувствовали сердечное облегченіе, что избавились отъ нихъ Теперь происходитъ то же самое. Пусть же такъ и будетъ. Отрядъ Эздры и Нехеміи составлялъ незначительное меньшинство среди тогдашняго еврейства, но мы всѣ суть потомки этого меньшинства, большинство же, напротивъ, безслѣдно слилось съ народами передней Азіи. И сіонисты, быть можетъ, составляютъ меньшинство среди современнаго еврейства. Но благодаря имъ еврейство обновится и будетъ жить безконечно долго. Еврейскіе же противники сіонизма, хотя теперь ихъ такъ много, какъ евреи, исчезнутъ въ будущемъ. Это, вѣроятно, и есть ихъ тайная, завѣтная мечта. Она, навѣрное, осуществится. Поэтому невѣрно, когда говорятъ о сіонизмѣ, какъ о партіи *среди евреевъ*. Мы отвергаемъ это съ насмѣшкой и презрѣ-

ніемъ. Сіонисты это не партія, это само еврейство. Ихъ теперешнее количество совершенно не важно. Сѣмя громадной липы очень маленькое, но оно заключаетъ въ себѣ всю жизненную силу, задатки всѣхъ органическихъ свойствъ этого дерева. Липа живетъ въ сѣмени, а не въ стволѣ и не въ вѣтвяхъ. Все, что есть жизненнаго въ еврействѣ, что представляетъ изъ себя еврейскій идеалъ, мужество и способность прогрессировать—это есть сіонизмъ. Напротивъ, всѣ тѣ, кто хорошо себя чувствуютъ въ рабствѣ, презрѣніи, тѣ, которые желаютъ скорой смерти еврейству, всѣ они или стоятъ совсѣмъ въ сторонѣ или же яростно борятся противъ насъ. Сіонисты имѣютъ право сказать словами австрійскаго поэта Грилльпарцера: „Въ нашемъ лагерѣ—Израиль! Вы же всѣ остальные—праздные члены“.

НЕОБХОДИМЫЙ ИДЕАЛЪ *).

Я—старый боевой конь на литературной аренѣ. Я пишу для публики съ четырнадцати лѣтъ.—стало быть, уже тридцать четыре года. Но никогда я не испытывалъ душевнаго волненія, подобнаго тому, которое испытываю въ настоящую минуту, обращаясь въ первый разъ къ новому кругу читателей. Одна мысль о томъ, что эти строки будутъ набраны и прочтены въ Іерусалимѣ, недалеко отъ „западной стѣны храма", заставляетъ мое сердце сильнѣе биться. Напрасно я призываю на помощь весь свой скептицизмъ и „blague" парижскихъ бульваровъ; тщетно стараюсь уговорить себя, что Іерусалимъ, въ сущности, не больше, какъ небольшой городъ турецкой провинціи, въ которомъ находится нѣсколько консуловъ, не мало бѣдняковъ и очень много монаховъ,—не могу преодолѣть того чувства безпредѣльной любви и искренняго благоговѣнія, которое не поддается никакому объясненію. Впечатлѣніе, производимое мыслью о Іерусалимѣ на человѣка, жизнь котораго представляетъ собой рядъ усилій эмансипироваться отъ предразсудковъ, отъ недоказанныхъ или не могущихъ быть доказанными традицій,—это впечатлѣніе, какъ нельзя лучше, доказываетъ, насколько въ душѣ не перестали быть евреями даже тѣ изъ насъ, которые большую часть своей жизни чуждались своего народа и не имѣли никакой связи съ современнымъ іудаизмомъ. И я, вѣчно гордившійся своею принадлежностью къ числу нѣмецкихъ писателей, всегда лелѣявшій мысль о томъ, что нѣмецкій языкъ—родной языкъ моей матери,—чувствую

*) Древнееврейскій переводъ этой статьи былъ помѣщенъ въ газетѣ „Haschkafa", издающейся извѣстнымъ литераторомъ Бенъ-Іегуда въ Іерусалимѣ; но настоящій переводъ сдѣланъ съ французскаго оригинала, *присланнаго авторомъ* и предоставленнаго въ наше распоряженіе. *Издатели.*

себя крайне огорченнымъ, угнетеннымъ и оскорбленнымъ, нуждаясь для этихъ строкъ въ переводчикѣ на древне-еврейскій языкъ. А между тѣмъ, блаженной памяти отецъ мой владѣлъ въ совершенствѣ священнымъ языкомъ пророковъ, и я самъ, имѣя отъ роду десять лѣтъ, читалъ его прекрасный переводъ шиллеровскаго „Колокола“, въ которомъ съ рѣдкой точностью соблюденъ размѣръ стиха нѣмецкаго оригинала. Дѣло въ томъ, что антисемитизмъ слишкомъ опоздалъ своимъ появленіемъ для того поколѣнія, къ которому я принадлежу. Еврейское чувство совершенно заглохло-бы въ насъ, еслибъ его не пробуждали дикіе возгласы и неистовые крики враговъ нашихъ; не готовясь исключительно въ теологи и лингвисты, мы слишкомъ пренебрегли еврейскимъ языкомъ, и стыдно сознаться, что мнѣ гораздо легче выражаться на латинскомъ языкѣ, чѣмъ на языкѣ моихъ предковъ. Мои современники, по крайней мѣрѣ въ западной Европѣ, были посредственными, а можетъ быть совсѣмъ плохими евреями; но подъ вліяніемъ несправедливостей и обидъ, нанесенныхъ имъ антисемитизмомъ, они, подобно мнѣ, начали возвращаться къ іудаизму и чувствовать себя духовно обновленными. Съ радостью можно констатировать тотъ фактъ, что за нами выростаетъ новое поколѣніе, крѣпкое духомъ, пылающее страстной любовью къ своему народу, которое при всемъ своемъ европеизмѣ и либеральномъ образѣ мыслей стремится къ возрожденію іудаизма, къ его обновленію. Глядя на феноменальное явленіе, что молодые ученые и доктора, обладающіе большимъ запасомъ знаній по всѣмъ отраслямъ наукъ, нынѣ возвращаются къ своему народу, къ своимъ традиціямъ,—я невольно задаю себѣ вопросъ: чѣмъ слѣдуетъ объяснить тотъ знаменательный фактъ, заключающій въ себѣ такъ много чудеснаго, почти необъяснимаго, что одинъ изъ древнѣйшихъ народовъ, лишенный отечества и разсѣянный по бѣлу свѣту, вездѣ и всюду жестоко преслѣдуемый, по истеченіи 18 вѣковъ мытарствъ и гоненій сохранилъ свое мужество и живучесть? Какъ случилось, что вѣко-

НЕОБХОДИМЫЙ ИДЕАЛЪ *).

Я—старый боевой конь на литературной аренѣ. Я пишу для публики съ четырнадцати лѣтъ,—стало быть, уже тридцать четыре года. Но никогда я не испытывалъ душевнаго волненія, подобнаго тому, которое испытываю въ настоящую минуту, обращаясь въ первый разъ къ новому кругу читателей. Одна мысль о томъ, что эти строки будутъ набраны и прочтены въ Іерусалимѣ, недалеко отъ „западной стѣны храма", заставляетъ мое сердце сильнѣе биться. Напрасно я призываю на помощь весь свой скептицизмъ и „blague" парижскихъ бульваровъ; тщетно стараюсь уговорить себя, что Іерусалимъ, въ сущности, не больше, какъ небольшой городъ турецкой провинціи, въ которомъ находится нѣсколько консуловъ, не мало бѣдняковъ и очень много монаховъ,—не могу преодолѣть того чувства безпредѣльной любви и искренняго благоговѣнія, которое не поддается никакому объясненію. Впечатлѣніе, производимое мыслью о Іерусалимѣ на человѣка, жизнь котораго представляетъ собой рядъ усилій эмансипироваться отъ предразсудковъ, отъ недоказанныхъ или не могущихъ быть доказанными традицій,—это впечатлѣніе, какъ нельзя лучше, доказываетъ, насколько въ душѣ не перестали быть евреями даже тѣ изъ насъ, которые большую часть своей жизни чуждались своего народа и не имѣли никакой связи съ современнымъ іудаизмомъ. И я, вѣчно гордившійся своею принадлежностью къ числу нѣмецкихъ писателей, всегда лелѣявшій мысль о томъ, что нѣмецкій языкъ—родной языкъ моей матери,—чувствую

*) Древнееврейскій переводъ этой статьи былъ помѣщенъ въ газетѣ „Haschkafa", издающейся извѣстнымъ литераторомъ Бенъ-Іегуда въ Іерусалимѣ; но настоящій переводъ сдѣланъ съ французскаго оригинала, *присланнаго авторомъ и* предоставленнаго въ наше распоряженіе. *Издатели.*

себя крайне огорченнымъ, угнетеннымъ и оскорбленнымъ, нуждаясь для этихъ строкъ въ переводчикѣ на древне-еврейскій языкъ. А между тѣмъ, блаженной памяти отецъ мой владѣлъ въ совершенствѣ священнымъ языкомъ пророковъ, и я самъ, имѣя отъ роду десять лѣтъ, читалъ его прекрасный переводъ шиллеровскаго „Колокола", въ которомъ съ рѣдкой точностью соблюденъ размѣръ стиха нѣмецкаго оригинала. Дѣло въ томъ, что антисемитизмъ слишкомъ опоздалъ своимъ появленіемъ для того поколѣнія, къ которому я принадлежу. Еврейское чувство совершенно заглохло-бы въ насъ, еслибъ его не пробуждали дикіе возгласы и неистовые крики враговъ нашихъ; не готовясь исключительно въ теологи и лингвисты, мы слишкомъ пренебрегли еврейскимъ языкомъ, и стыдно сознаться, что мнѣ гораздо легче выражаться на латинскомъ языкѣ, чѣмъ на языкѣ моихъ предковъ. Мои современники, по крайней мѣрѣ въ западной Европѣ, были посредственными, а можетъ быть совсѣмъ плохими евреями; но подъ вліяніемъ несправедливостей и обидъ, нанесенныхъ имъ антисемитизмомъ, они, подобно мнѣ, начали возвращаться къ іудаизму и чувствовать себя духовно обновленными. Съ радостью можно констатировать тотъ фактъ, что за нами выростаетъ новое поколѣніе, крѣпкое духомъ, пылающее страстной любовью къ своему народу, которое при всемъ своемъ европеизмѣ и либеральномъ образѣ мыслей стремится къ возрожденію іудаизма, къ его обновленію. Глядя на феноменальное явленіе, что молодые ученые и доктора, обладающіе большимъ запасомъ знаній по всѣмъ отраслямъ наукъ, нынѣ возвращаются къ своему народу, къ своимъ традиціямъ,—я невольно задаю себѣ вопросъ: чѣмъ слѣдуетъ объяснить тотъ знаменательный фактъ, заключающій въ себѣ такъ много чудеснаго, почти необъяснимаго, что одинъ изъ древнѣйшихъ народовъ, лишенный отечества и разсѣянный по бѣлу свѣту, вездѣ и всюду жестоко преслѣдуемый, по истеченіи 18 вѣковъ мытарствъ и гоненій сохранилъ свое мужество и живучесть? Какъ случилось, что вѣко-

продолженіе десятилѣтій, даже столѣтій, считали уже давно потухшею, или же проявляется въ странахъ, гдѣ о ней раньше даже и не знали, какъ наприм., въ Сѣверной Америкѣ, и вы это называете „отдѣльными явленіями“! Вы осмѣливаетесь предсказывать скорое исчезновеніе антисемитизма, не смотря на то, что противъ лживости вашего предсказанія громко протестуетъ весь ходъ еврейской исторіи устами семидесяти мучающихся и стонущихъ поколѣній. Ваши предсказанія — не что иное, какъ форма злостнаго банкротства. Такъ какъ вы не можете въ настоящій моментъ уплатить вашего долга, то вы выдаете громадныя обязательства на будущее время, хотя вы хорошо сознаете, что вы ихъ никогда не въ состояніи будете выплатить, и что они вамъ ровно ни во что не обойдутся. Будьте же честны! Имѣйте-же мужество при вашемъ безсердечіи! Скажите вы еврейскому народу: „намъ живется, сносно и намъ не нужны никакія перемѣны. Вы-же, преслѣдуемые, униженные, страдающіе—до васъ намъ нѣтъ никакого дѣла“. И еслибъ вы искренно сознались въ дѣйствительныхъ причинахъ вашего поведенія, то мы, пожалуй, противъ васъ ничего не имѣли бы. Еврейскій народъ просто вычеркнулъ бы васъ изъ своего счета, и счетъ, благодаря этому, сдѣлался бы болѣе яснымъ, болѣе точнымъ, болѣе вѣрнымъ. Вы тогда не вводили бы въ заблужденіе неопытныхъ, и нерѣшительные люди не имѣли бы готоваго отвѣта на тотъ случай, кода они желали-бы ретироваться въ самый рѣшительный моментъ. Еврейство тогда знало-бы, кто дѣйствительно работаетъ для исцѣленія или, по крайней мѣрѣ, для облегченія его тысячелѣтнихъ страданій; оно знало бы, что вы лживые врачи, забывшіе о своихъ обязанностяхъ, даете снотворный напитокъ лишь для того, чтобы вашъ ночной покой не потревожили стоны больного. Такой образъ дѣйствій можетъ имѣть еще свое оправданіе по отношенію къ умирающему, котораго уже нельзя излѣчить, но которому хотятъ облегчить предсмертныя муки. Но мы вамъ не отдадимъ еврейства. Мы твердо вѣримъ въ его жизненную силу и надѣемся еще видѣть его въ цвѣтущемъ и здоровомъ состояніи. По отношенію *къ такому больному* примѣнять терапію наркоза, который

только ускоряетъ конецъ—это преступленіе. Изображеніе положенія евреевъ было-бы крайне одностороннимъ и неполнымъ, если бы мы ограничились только тѣмъ, что очертили бы отношеніе другихъ народовъ къ живущимъ среди нихъ нашимъ братьямъ. Такъ же важно, даже еще важнѣе, чѣмъ отношеніе другихъ народовъ къ евреямъ, это отношеніе евреевъ другъ къ другу:—разныя теченія мысли, движенія чувства, стремленія, которыя возникаютъ среди нашего народа. Картина эта невеселая и можетъ отнять всякую вѣру въ наше будущее у человѣка малодушнаго. Первое воздѣйствіе сіонизма на еврейскій народъ напоминаетъ мнѣ извѣстную картину природы, которую каждый изъ васъ, конечно, видѣлъ. Прелестенъ зимній ландшафтъ. Ледяной панцырь покрываетъ рѣки, снѣговой покровъ—поля; эта мрачная картина гробового спокойствія навѣваетъ благоговѣйныя, печальныя мысли о великомъ умершемъ Панѣ. Прелестный весенній ландшафтъ представляетъ болѣе веселую картину. Журчатъ зеркальные ручейки, поля зеленѣютъ и цвѣтутъ, новая жизнь пробивается и ткетъ повсюду чудные узоры. Но переходъ отъ одной картины къ другой! Первое дѣйствіе весеннихъ солнечныхъ лучей таково, что они разрушаютъ зимній ландшафтъ, но не создаютъ тотчасъ же вмѣсто него весенняго ландшафта. Этотъ промежутокъ времени весьма непріятенъ. Онъ былъ бы несносенъ, еслибъ не увѣренность, что это переходъ къ новой красотѣ. Чистая ледяная поверхность рѣкъ разрыхлена и превратилась въ какую то сѣрую, глинистую кашу; бѣлый снѣговой покровъ растаялъ и превратился въ бездонную тину; нѣкоторое время весь ландшафтъ представляетъ сплошную грязную лужу, пока постепенно на ея мѣстѣ не появляются яркіе, пестрые цвѣты и обильная зелень. Нѣчто подобное переживаетъ теперь и еврейство. До сихъ поръ его можно было уподобить зимнему ландшафту. Все было окоченѣлымъ, все было блѣдно и холодно. Но неподвижныя формы были монументальны. Это была величественная картина—величіе смерти. Какъ между самими евреями, такъ еще больше между христіанами, были романтики, которымъ нравилась поэзія этой картины, и они

считали святотатствомъ нарушить правильность неподвижныхъ линій, нарушить цѣльность снѣгового покрова, чтобы не обнажить голую землю. И вотъ явился сіонизмъ и, какъ весеннее солнце, началъ согрѣвать эту величественную снѣжную пустыню. Въ разбросанныхъ уголкахъ, въ защищенныхъ котловинахъ уже пробиваются стебельки былинокъ и раннихъ подснѣжниковъ. Но на всемъ остальномъ пространствѣ сплошное, громадное болото. Въ этомъ морѣ грязи мы бродимъ теперь Въ этой рыхлой тинѣ мы вязнемъ на каждомъ шагу по колѣни, по поясъ. Какъ это противно! Какъ это тяжело! Все низменное, все скверное. что заключаетъ въ себѣ еврейство и что до сихъ поръ было скрыто подъ ледянымъ покровомъ, всплываетъ теперь наружу. Но стоитъ только заглянуть въ календарь, и тяжелое настроеніе сразу проходитъ. Ибо, вѣдь, мы знаемъ, что весна уже близка, что она всегда такъ начинается; что поля раньше изображаютъ изъ себя грязное болото. но вскорѣ затѣмъ, подъ дѣйствіемъ волшебныхъ чаръ покрываются цвѣтущею растительностью. Сіонизмъ пробуждаетъ еврейство къ новой жизни; это мое твердое убѣжденіе. Онъ дѣйствуетъ морально. обновляя народные идеалы. Онъ дѣйствуетъ физически и тѣлесно, воспитывая подростающее поколѣніе такимъ образомъ, что въ немъ мы опять будемъ имѣть, какъ и въ древнія времена, еврейство съ сильными мускулами. Но сіонизмъ проводитъ также рѣзкую грань между тѣмъ, что живетъ, и тѣмъ, что умерло. Только теперь мы видимъ, какія страшныя опустошенія произвели среди насъ восемнадцать столѣтій діаспоры.

Въ первый разъ послѣ отчаянной борьбы великаго Баръ-Кохбы, котораго только жалкіе поклонники успѣха могутъ ставить ниже блестящаго Хасмонея, снова у еврейства назрѣла потребность напрячь свои силы и доказать этимъ себѣ самому и всему міру, сколько еще въ немъ скрыто жизненной энергіи, силъ и надеждъ. И теперь только мы убѣждаемся, что многое, казавшееся живымъ до тѣхъ поръ пока не требовалось доказательства жизненности, на самомъ дѣлѣ уже мертво. Многіе евреи и внѣшнимъ образомъ отпали отъ еврейства. *Этотъ процессъ отпаденія* начался со времени разрушенія вто-

рого храма и никогда не прекращался, но за послѣдніе годы въ западныхъ странахъ онъ особенно усилился. Но еще большее количество евреевъ, сами того не сознавая, потеряли свою внутреннюю связь съ народомъ и фактически отпали. Они сами и весь міръ считаютъ ихъ евреями, но они остаются евреями только изъ-за привычки, изъ-за удобства, изъ-за духовной лѣности. Принадлежность къ еврейству подвергаетъ ихъ преслѣдованіямъ, но они потеряли чувство собственнаго достоинства и не страдаютъ отъ этихъ преслѣдованій, или же имъ доставляетъ удовольствіе сознаніе, что они являются интересными мучениками. Въ минуты грезъ они вѣрятъ Дизраэли, Джоржъ-Элліотъ, Александру Дюма-сыну, которые нарисовали заманчивую картину прекрасной будущности, могущества и силы еврейскаго народа. Они погружаются въ эти сны, которые имѣютъ всю прелесть, всю несбыточность сновидѣнія. Положительныхъ дѣяній—еврейство отъ нихъ не требуетъ. 613 предписаній и запретовъ Шулханъ-Аруха они высмѣиваютъ Налоги въ пользу общины ихъ не слишкомъ обременяютъ. Въ синагогу они ходятъ только въ судный день. Они сами себя убѣждаютъ, что они хорошіе евреи, только потому, что любятъ Гейне, восхищаются Даніэлемъ Дэронда и хвалятъ кугель и чолентъ *). Вдругъ появляется сіонизмъ и взываетъ къ нимъ: „Встаньте! Опомнитесь! Дѣлайте-же дѣло! Очистьте себѣ самимъ и своему народу мѣсто подъ солнцемъ! Не предавайтесь покою, не покладайте рукъ, пока вы не убѣдите индифферентныхъ людей и даже враговъ, что вы имѣете такое же право быть народомъ, какъ и всякій другой народъ, что вы имѣете право наслаждаться жизнью!“ Внезапно наступаетъ конецъ лѣнивому лже-еврейству, его пассивной дремотѣ, его старымъ привычкамъ. Тогда эти лже-евреи возстаютъ въ своемъ сильномъ гнѣвѣ, который кажется намъ смѣшнымъ. „Если наше восхищеніе субботними мелодіями не есть достаточное доказательство нашихъ еврейскихъ чувствъ, тогда намъ уже ничего не остается дѣлать“ говорятъ они съ раздраженіемъ и объявляютъ намъ, возмутителямъ, гибельную войну. Здѣсь раввины вычеркиваютъ, дѣйствительно утратившій для нихъ

*) Кушанья, употребляемыя евреями въ субботу.

значеніе, призывъ надежды и обѣта: „въ будущемъ году въ Іерусалимѣ". Тамъ раввины протестуютъ противъ сіонизма, какъ противъ запрещеннаго еврейской религіей новшества. Одинъ очень чтимый мною еврейскій историкъ, который по порученію одного еврейскаго общества составляетъ еврейскія лѣтописи, написалъ исторію евреевъ въ 1897 году и ни однимъ словомъ не обмолвился о первомъ сіонистскомъ конгрессѣ въ Базелѣ. Другой еврей имѣлъ дерзость утверждать, что мы на нашемъ конгрессѣ въ прошломъ году виляли, что мы хотимъ трусливо убѣжать отъ нашихъ преслѣдователей; онъ же, герой, смѣло подставляетъ свою щеку сыплющемуся на нее граду звонкихъ пощечинъ и храбро подставляетъ свою спину для пинковъ антисемитскихъ народовъ.

Эти явленія печальны, но они естественны и не должны насъ тревожить. Мы очень древній народъ, и наша исторія, насчитывающая нѣсколько тысячелѣтій, видѣла уже все. Ничего новаго уже, собственно говоря, съ нами не можетъ случиться. Когда Моисей захотѣлъ освободить свой народъ отъ рабства въ Египтѣ, то первыми возмутились евреи и угрожали, что они донесутъ на него египетскимъ властямъ. Когда Эздра и Нехемія возвращались въ Сіонъ, то богатые и просвѣщенные евреи, любители чолента и почитатели Гейне того времени, остались въ Вавилонѣ, отнесшись съ насмѣшкой къ безумнымъ мечтателямъ, пожелавшимъ возродить свой народъ, и почувствовали сердечное облегченіе, что избавились отъ нихъ Теперь происходитъ то же самое. Пусть же такъ и будетъ. Отрядъ Эздры и Нехеміи составлялъ незначительное меньшинство среди тогдашняго еврейства, но мы всѣ суть потомки этого меньшинства, большинство же, напротивъ, безслѣдно слилось съ народами передней Азіи. И сіонисты, быть можетъ, составляютъ меньшинство среди современнаго еврейства. Но благодаря имъ еврейство обновится и будетъ жить безконечно долго. Еврейскіе же противники сіонизма, хотя теперь ихъ такъ много, какъ евреи, исчезнутъ въ будущемъ. Это, вѣроятно, и есть ихъ тайная, завѣтная мечта. Она, навѣрное, осуществится. Поэтому невѣрно, когда говорятъ о сіонизмѣ, какъ о партіи *среди евреевъ.* Мы отвергаемъ это съ насмѣшкой и презрѣ-

ніемъ. Сіонисты это не партія, это само еврейство. Ихъ теперешнее количество совершенно не важно. Сѣмя громадной липы очень маленькое, но оно заключаетъ въ себѣ всю жизненную силу, задатки всѣхъ органическихъ свойствъ этого дерева. Липа живетъ въ сѣмени, а не въ стволѣ и не въ вѣтвяхъ. Все, что есть жизненнаго въ еврействѣ, что представляетъ изъ себя еврейскій идеалъ, мужество и способность прогрессировать—это есть сіонизмъ. Напротивъ, всѣ тѣ, кто хорошо себя чувствуютъ въ рабствѣ, презрѣніи, тѣ, которые желаютъ скорой смерти еврейству, всѣ они или стоятъ совсѣмъ въ сторонѣ или же яростно борятся противъ насъ. Сіонисты имѣютъ право сказать словами австрійскаго поэта Грилльпарцера: „Въ нашемъ лагерѣ—Израиль! Вы же всѣ остальные—праздные члены“.

съ чрезвычайной осторожностью, не обременяя себя никакими обязанностями въ такомъ великомъ народномъ дѣлѣ, пока не окрѣпнемъ вполнѣ и не убѣдимся, что мы въ силахъ довести дѣло до конца и преодолѣть всѣ трудности и препятствія. Если мы намѣрены заселить Палестину, то должны заранѣе готовиться къ тому, чтобы показать примѣръ народа, въ которомъ сельскіе классы мирно уживаются съ городскимъ сословіемъ,—народа, способнаго имѣть свои собственныя судебныя и административныя учрежденія, свои высшія и низшія школы, свои почты и дороги,—однимъ словомъ, все то, что служитъ признакомъ самостоятельнаго и благоустроеннаго государства. *И прежде, чѣмъ мы убѣдимся во всемъ этомъ, я считалъ-бы великимъ несчастьемъ и грѣхомъ не только принять въ даръ Палестину отъ государствъ, но даже дерзать имѣть подобнаго рода желаніе.*

Какимъ образомъ, однако, можемъ мы достигнуть той степени совершенства, которая дала-бы намъ право думать объ основаніи еврейскаго государства въ Палестинѣ? Но тутъ мы уже переходимъ къ разрѣшенію второй задачи—къ вопросу о подготовленіи еврейскаго народа къ его великой миссіи, къ національному перевоспитанію, могущему сдѣлать его способнымъ къ выполненію политическихъ обязанностей въ своей родной странѣ. Каждый еврей въ отдѣльности прежде всего долженъ привыкнуть къ мысли, что онъ переживаетъ очень важный моментъ въ своей исторіи,—моментъ, имѣющій рѣшающее значеніе во всемъ ходѣ его жизни въ будущемъ; онъ долженъ знать, что весь міръ обращаетъ на него свои взоры, ждетъ отъ него рѣшительныхъ шаговъ, что за всякій промахъ и малѣйшую неудачу въ своихъ дѣйствіяхъ онъ явится отвѣтственнымъ предъ своимъ дальнимъ потомствомъ. Каждый еврей обязанъ научиться двумъ вещамъ: онъ долженъ чувствовать и переживать все то, что волнуетъ весь народъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ слушаться и подчиняться тѣмъ вождямъ, которыхъ онъ себѣ избралъ. Живѣйшее и полнѣйшее участіе во всѣхъ національныхъ дѣлахъ и строгая субординація—вотъ тѣ средства, которыя поведутъ къ обновленію нашего народа, къ поднятію его *на степень людей живыхъ*, а не праха земного. Тамъ, гдѣ три

еврея собираются вмѣстѣ надъ скромной трапезой, гдѣ десять евреевъ сходятся для совершенія молитвы, ничто не можетъ быть оправданіемъ для нихъ, если они не позаботятся объ образованіи маленькаго сіонистскаго кружка, состоящаго изъ десяти членовъ, который присоединится потомъ къ болѣе крупному кружку. Становясь членомъ сіонистскаго кружка, еврей не чувствуетъ себя уже одинокимъ и сиротливымъ среди злѣйшихъ враговъ, безъ друга и ласки любви. Кругомъ него родные братья, пекущіеся о его благѣ; онъ сознаетъ и понимаетъ, что принадлежитъ къ извѣстному союзу, который при дальнѣйшемъ ростѣ и укрѣпленіи сумѣетъ его облагородить, поднять въ своихъ собственныхъ глазахъ, чтобы заслужить потомъ уваженіе и у другихъ. Онъ все больше убѣждается въ томъ, что израиль не зачахъ, что еврейскій народъ не только не желаетъ умереть или затеряться среди другихъ народовъ, съ которыми онъ слиться не можетъ, но стремится къ тому, чтобы возродиться изъ пепла и зажить новой трудовой жизнью. Само собою понятно, что каждый еврей, вступающій въ сіонистскій кружокъ, не можетъ этимъ разсчитывать на полученіе матеріальныхъ выгодъ или, выражаясь проще, на большій денежный заработокъ, хотя нельзя отрицать, что подобнаго рода братскій союзъ и дружеская работа на общемъ поприщѣ во многомъ можетъ содѣйствовать матеріальному преуспѣянію людей, которые раньше, въ силу чисто хлѣбной конкуренціи, равнодушно и завистливо, а можетъ быть и совсѣмъ враждебно относились другъ къ другу. Не разсчитывая на быстрое обогащеніе, каждый членъ сіонистскаго кружка, живя духовной жизнью, питаясь надеждой на наступленіе лучшихъ дней, не будетъ отчаиваться при видѣ того жалкаго положенія, въ которомъ онъ находится; онъ легче станетъ переносить тѣ обстоятельства, которыя кажутся нестерпимыми, если приходится думать объ ихъ нескончаемости.

Еще два слова о благотворномъ дѣйствіи сіонистскихъ кружковъ. Каждый членъ сіонистскаго кружка, обновляясь духовно, начинаетъ вдумываться въ свою исторію, въ духъ своихъ законовъ и обрядовъ; онъ вникаетъ въ суть іудаизма и чувствуетъ всю мощь и прелесть этого ученія; онъ привыкаетъ

думать о еврейскихъ дѣлахъ, говорить о нихъ, а подъ „еврейскими дѣлами“ мы подразумѣваемъ не праздную бесѣду въ синагогѣ въ часы досуга послѣ обѣденнаго субботняго сна, не безплодное вмѣшательство въ кагальныя интриги, часто ведущія къ распрямъ и неудовольствіямъ, но нѣчто болѣе возвышенное, болѣе красивое и привлекательное, а именно проявленіе интереса къ настоящимъ матеріальнымъ и духовнымъ нуждамъ евреевъ, къ ихъ величію въ прошломъ, къ ихъ священнымъ книгамъ, мученичеству и идеаламъ. Въ кружковой жизни, среди единомышленниковъ-сіонистовъ, каждый еврей подготовляется къ тому, чтобы быть полезнымъ сыномъ своего народа; онъ привыкаетъ къ мысли, „что не о хлѣбѣ единомъ живъ человѣкъ“, что помимо повседневныхъ заботъ есть и болѣе возвышенные духовные запросы; сіонизмъ—это та школа, въ которой онъ учится принимать активное участіе въ народныхъ нуждахъ, фильтруетъ свой умъ, обмѣнивается мыслями, точно и ясно формулируетъ свои желанія и вожделѣнія, подчиняясь вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣнію большинства. По достиженіи идеала еврея и общечеловѣка, хотя-бы въ извѣстной степени, онъ считаетъ себя вполнѣ зрѣлымъ и подготовленнымъ для своей народной миссіи; онъ тогда долженъ и вправѣ думать о возвращеніи въ Палестину, Его вожди и предводители могутъ тогда явиться предъ государственными людьми и сказать вполнѣ увѣренно: „такое-то число евреевъ, считающихся членами сіонистскихъ кружковъ, въ такихъ-то мѣстахъ, послѣ зрѣлаго обсужденія и отобранія голосовъ, въ лицѣ своихъ делегатовъ на конгрессахъ, дали намъ слѣдующія полномочія. Вотъ что можемъ обѣщать вамъ отъ имени нашихъ просителей. Обсудите и рѣшите, насколько вы можете исполнить нашу просьбу“. Эти вожди могутъ быть тогда вполнѣ увѣрены, что ни одинъ еврей-сіонистъ не двинется съ мѣста, пока они не скажутъ ему: „готовься въ путь“, онъ не сдѣлаетъ ни одного рискованнаго шага, никакихъ внезапныхъ скачковъ къ самовольному, необдуманному, чисто анархическому вторженію въ Св. землю, онъ, какъ бравый солдатъ, стоящій на стражѣ, исполнитъ *только то, что* скажутъ ему его полководцы, являющіеся от*вѣтственными* предъ всѣмъ народомъ. Тогда можно смѣло ру

чаться, что въ сіонистскомъ дѣлѣ будетъ достигнуто то единство силъ, та желанная гармонія, которая необходима въ такомъ великомъ предпріятіи. На первыхъ порахъ придется отправить въ Палестину, въ качествѣ авангарда, болѣе дѣятельныхъ и пригодныхъ для этой цѣли людей; изъ этого авангарда образуется тотъ контингентъ работниковъ, который проложитъ путь слѣдующимъ поселенцамъ, займется постройкой домовъ, службъ, мастерскихъ и всего того, что необходимо въ обиходѣ при водвореніи. За авангардомъ послѣдуютъ піонеры земледѣлія—элементъ болѣе необходимый при колонизаціи. Эти опытные земледѣльцы составятъ ядро, цвѣтъ общества, будутъ лучшими наставниками всѣхъ послѣдующихъ поселенцевъ, которые займутся хлѣбопашествомъ, виноградарствомъ и скотоводствомъ. Такимъ образомъ, Палестина будетъ предохранена отъ наплыва вредныхъ и нежелательныхъ элементовъ, постепенно, систематически, на основаніи выработанныхъ законовъ, заселится евреями, и только такая колонизація можетъ считаться цѣлесообразной, естественной и нормальной. Организація и строгая дисциплина въ колонизаціонномъ дѣлѣ уподобляется вполнѣ ирригаціи. При ирригаціи открываются шлюзы и пускается столько воды, сколько это оказывается нужнымъ; по минованіи-же надобности, шлюзы опять закрываются. Если во всѣхъ странахъ сумѣютъ правильно организовать дѣло переселенія, подчиняясь въ этомъ великомъ народномъ дѣлѣ избраннымъ вождямъ и руководителямъ, то заселеніе Палестины осуществится въ большихъ и правильныхъ размѣрахъ, безъ всякой опасности. Что евреи сумѣютъ быть хорошими и трудолюбивыми работниками, если найдутъ въ Палестинѣ хорошихъ наставниковъ, вполнѣ подготовленную почву, выработанный планъ дѣйствій,—это для меня такъ же ясно, какъ ясно то, что я живу. Нашему законодателю Моисею понадобилось сорокъ лѣтъ для того, чтобы подготовить народъ къ водворенію въ обѣтованной землѣ; но мнѣ кажется, что современныя условія жизни позволяютъ намъ нѣсколько сократить этотъ срокъ для народнаго перевоспитанія. Въ теченіе нашей восемнадцативѣковой жизни въ изгнаніи мы научились гораздо большему, чѣмъ предки наши во время египетскаго рабства. Все это время мы

не питались на столько сытно мясомъ, чтобы подобно имъ жаждать возвращенія въ Египетъ. До нашего окончательнаго водворенія въ качествѣ полноправныхъ гражданъ не потребуется очень много времени для того, чтобы забыть о прелестяхъ „голуса"; но все таки невозможно, чтобы еврейскій народъ окончательно покончилъ со своими мытарствами во время странствованія въ пустынѣ....

Пусть же каждый еврей знаетъ разъ навсегда, что никакое благоденствіе не свалится съ неба, въ видѣ дара, а находится въ немъ самомъ, въ его самопомощи; онъ долженъ убѣдиться въ томъ, что освобожденіе свое онъ пріобрѣтетъ путемъ цѣлаго ряда усилій, своими мозолистыми руками, морщинами думъ на челѣ, энергичной трудовой жизнью, всѣми своими физическими и духовными силами. Раньше всего онъ долженъ соорудить Сіонъ въ своемъ собственномъ сердцѣ, чтобы воздвигнуть его потомъ въ родной странѣ. Онъ не долженъ задавать вопросъ: „каковы успѣхи сіонизма въ Вѣнѣ?" а скорѣе обязанъ разсуждать такъ: „вчера я еще не былъ сіонистомъ, сегодня я сіонистъ, а потому сіонизмъ со вчерашняго дня сдѣлалъ шагъ впередъ", и это, по моему, должно считаться болѣе виднымъ успѣхомъ и лучшей новостью дня.

Евреямъ нечего ожидать совершенія какихъ либо чудесъ въ Вѣнѣ, а скорѣе Вѣна вправѣ думать, что среди еврейскаго народа осуществится пророчество Іезекіиля, его видѣніе въ долинѣ, что разсѣянныя, засохшія кости опять оживутъ, покроются жилами и мясомъ, получатъ мощь и отвагу.

Покажите-же себя доблестнымъ народомъ, братья мои! образуйте большіе союзы и сіонистскіе кружки, и покажите всему міру, что вы способны сплотиться воедино для народнаго дѣла.

Подайте свой голосъ, предъявите свои желанія и требованія, и ни одной минуты вамъ нечего сомнѣваться въ томъ, что въ вашей-же средѣ найдутся люди, которые достойны стать во главѣ, которымъ вы можете смѣло вручить свою судьбу въ увѣренности, что они поведутъ васъ къ національной побѣдѣ.

Оглавленіе.

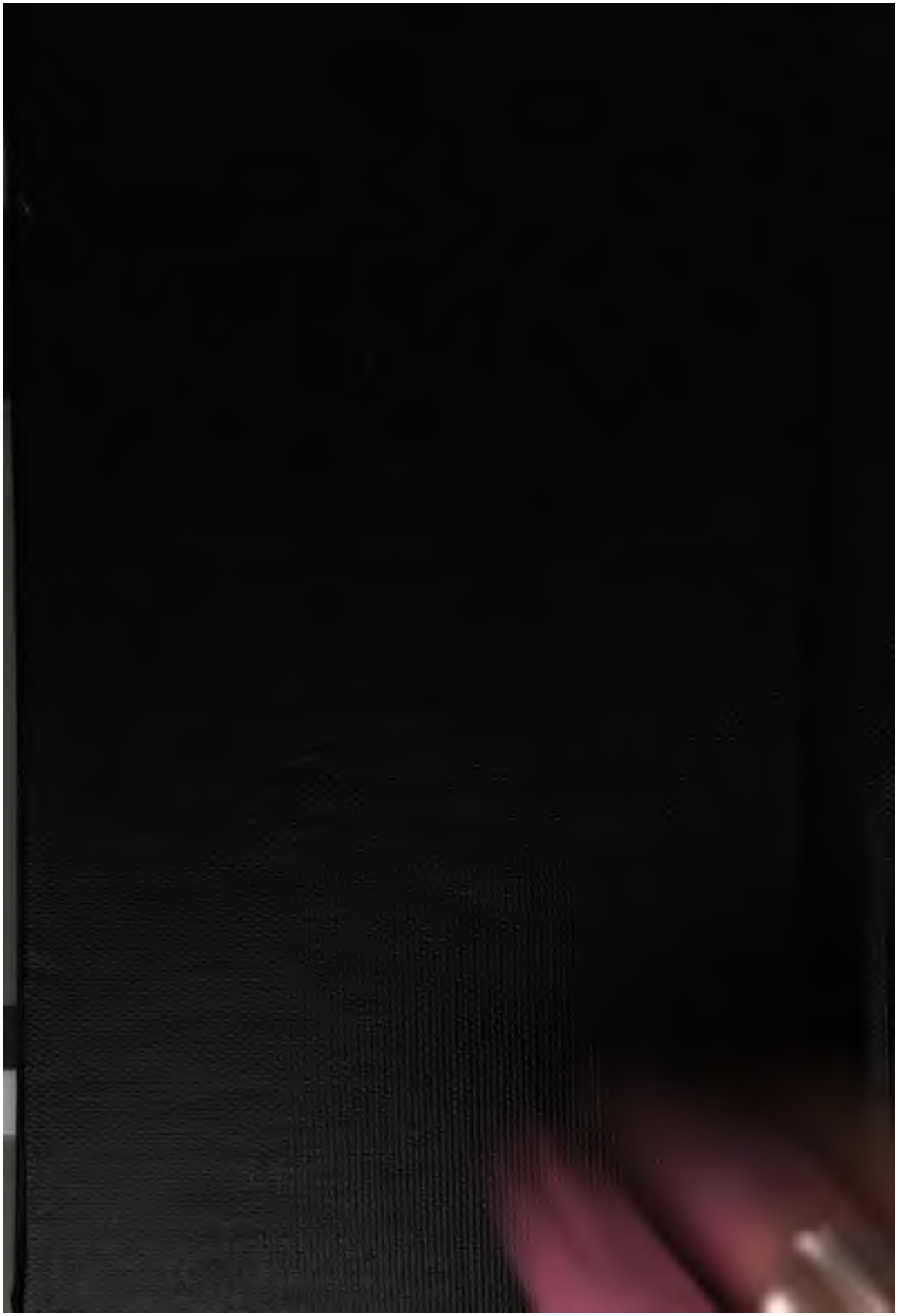
стр.

современномъ положеніи евреевъ. Рѣчь, произне-
енная на первомъ конгрессѣ сіонистовъ въ Ба-
елѣ. Перевелъ съ нѣмецкаго М. С. М. 3

іонизмъ и его противники. Рѣчь, произнесенная
ъ Берлинѣ $^{15}/_{27}$ апрѣля 1898 года. Перевелъ
ь нѣмецкаго Б. И. Топоровскій 17

оложеніе евреевъ въ $189^{7}|_{8}$ гг. Рѣчь, произнесен-
ая на второмъ конгрессѣ сіонистовъ въ Базелѣ.
еревелъ съ нѣмецкаго Б. И. Топоровскій . . 39

еобходимый идеалъ. Перевелъ съ французскаго
. С—скій 54

адачи сіонизма. Перевелъ съ нѣмецкаго
. С—скій 60

69 167ST BR3 4592
4/92 53-005-00